

DIGITAL BOOK

МИРЫ АРТЁМА КАМЕНИСТОГО
S-T-I-K-S
ДМИТРИЙ СΙΑНОВ
СКИЛ

ИДДК

Дмитрий Сиянов
Миры Артёма Каменистого.
S-T-I-K-S. Скил
Серия «S-T-I-K-S»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=34338559

Аннотация

«Скил» – фантастический роман Дмитрия Сиянова по миру Артёма Каменистого «S-T-I-K-S», жанр боевая фантастика.

Человек попадает в мир полный опасностей, мир живущий по своим жестоким законам. Здесь не живут, здесь выживают. Или все же можно жить, а может даже радоваться жизни? Кто знает. Всё зависит от человека. От человека и его умений: умения приспособливаться, умения нестандартно мыслить, умения собирать в кулак волю, умения радоваться мелочам, умения **ЖИТЬ, ЖИТЬ ВОПРЕКИ!**

Содержит нецензурную брань

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	12
Глава 3	17
Глава 4	24
Глава 5	29
Глава 6	39
Глава 7	59
Глава 8	74
Глава 9	89
Конец ознакомительного фрагмента.	102

Миры Артёма Каменистого.

S – T – I – K – S

Дмитрий Сиянов

Скил

Глава 1

По тихой улице городской окраины шли два странных человека. Один, обросший рыжей бородой и усами, был одет в толстую брезентовую куртку с множеством утолщений и накладок, на голове у него красовалась синяя пластиковая каска, похожая на ту, которые носят строители, но даже с виду более прочная и удобная. В руках он держал двухметровое копьё на толстом древке с поперечной перекладиной сантиметров на двадцать ниже наконечника. За плечами у него был тощий рюкзак, поверх него – арбалет. На бедре висела кобура с большим револьвером. Лицо второго, покрытое сетью едва заметных морщин, украшали пышные седые усы. Одет он был в такую же куртку, на спине болтался такой же рюкзак, только арбалет был помощнее, а с бедра тоже свешивалась кобура с револьвером, на голове – тёмно – зелёная, под цвет куртки, панама. В руках он нёс большой топор.

Шли они не спеша, крадучись, избегая открытых мест и прижимаясь к густо поросшей кустами обочине.

Усатый остановился, поднял вверх руку и сказал вполголоса:

– Метров тридцать. Трое прямо на нас идут.

Бородатый кивнул. Отошел на пару шагов вперёд и в сторону. Положил копьё, зарядил арбалет и опустился рядом на одно колено. Напарник возился с арбалетом дольше и не последовал его примеру.

Из – за поворота показались три человекоподобные твари. Кожа их была землисто – серого цвета, ноги заметно утолщены. На телах двух из них сохранились остатки одежды. Третья, заметно крупнее, обладавшая мощными руками и широким торсом, растеряла весь свой гардероб.

Арбалетный болт пробил первой твари шею, она упала на спину, задёргалась, засучила ногами. Второй твари болт попал в глаз и вышел из затылка. Третья заурчала и ринулась к людям с завидной скоростью. Бородач, быстро отложив арбалет, всадил в неё копьё. Она взмахнула лапами, пытаясь дотянуться до него, но безуспешно. А в следующий миг усатый топором расколол ей череп.

– Больше рядом упырей нет? – спросил Бородатый.

– Нет. Ближе никого не чувствую.

– Ну, тоды потрошим их да пойдём от греха.

Усатый в ответ лишь кивнул, склоняясь над трупом поверженной твари.

С трудом перевернув массивную тушу, он достал нож и вскрыл им уродливый нарост на затылке. Без видимой брезгливости покопался и достал из него четыре серо – зелёных шарика.

– О, четыре! – прокомментировал он свою находку. – Видимо, эту особь можно классифицировать как лотерейщика.

– И у этих по два.

– Неплохо охота начинается!

– Агась, неплохо, – согласился напарник, вглядываясь во что – то в дали. – Охота начинается.

* * *

Бывает так: ты молод, в меру красив, в меру умён. Хорошо сложен физически. Фортуна улыбается тебе. И ты идёшь по жизни, улыбаясь ей в ответ. Конечно, везёт тому, кто сам «везёт». Атлетическое телосложение нужно поддерживать и не забывать дорогу в тренажерный зал, иначе быстро обрасс-тёшь жирком. Мозг, хоть и не мускулатура, но тоже нуждается в постоянной тренировке. Но если тебе сопутствует удача и ты сам не плошаешь, жизнь хороша и приятна. Правда, таким людям зачастую очень трудно пережить внезапный удар судьбы – не привыкли они к такому. Всё же было хорошо, и тут – на тебе! Болезнь, предательство, да мало ли у судьбы кукишей за пазухой. И тут бывшие счастливики опускают руки, спиваются, прыгают с крыш – способов пустить жизнь

под откос много. В общем, постоянное везение не способствует укреплению духа, а всегда везти не может. Такая ложка дёгтя в бочку с мёдом.

А бывает и так: несчастья и беды сыплются на тебя, словно и рога изобилия. Ты часто и подолгу болеешь, причём в самое неподходящее время. В школе к тебе придираются учителя, тебя задирают одноклассники. В вузе не находишь общего языка с одногруппниками, а на экзаменах попадают самые заковыристые билеты. Работа низкооплачиваемая, да и начальник – самодур. Нужный тебе автобус отъезжает от остановки, когда ты к ней подходишь, а следующий подъезжает через полчаса, битком набитый злыми и неприветливыми людьми. Машины окатывают тебя грязью из луж. И вообще ты толстый и страшный! И девчонки тебя не любят. В общем, ты неудачник.

И как в таком случае жить? Можно, конечно, смириться, плыть по течению и постараться относиться к жизни философски – ну что значат твои проблемы в масштабах Вселенной? Да и вообще, всё могло быть и хуже. А можно и бороться, главным образом с собой: Научиться давать отпор задирам, добросовестно относиться к учёбе, одеваться по погоде – словом, быть готовым к превратностям судьбы и не опускать руки ни при каких обстоятельствах. Судьба неудачника незавидна, но часто именно из этих ребят получают сильные и интересные личности. Невзгоды и неурядицы закаляют волю, а нестандартные ситуации, которые жизнь подки-

дывает им на каждом шагу, требуют нестандартных решений. Они умеют радоваться мелочам. К примеру, ты никогда не оценишь, какое это счастье – просто ходить, если не был лишен такой возможности. Но стоит сломать ногу и пару месяцев провести безвылазно в четырёх стенах, начинаешь гулять и наслаждаться этим процессом, не обращая внимания на дождь, снег, жару или другие мелочи. А, казалось бы, просто ходить! Невелика радость! Самое вкусное блюдо – то, что ешь голодным! Кроме того, если какое – либо благо само падает тебе в руки, радости оно доставляет гораздо меньше, чем долгожданная и заслуженная награда. А неудачникам приходится за них бороться, подчас зубами выгрызать. Потому и радости, если всё получается, они испытывают гораздо больше. Так что неудачники тоже могут быть счастливыми.

Я не относился ни к первым, ни ко вторым. Хотя, надо признать, удача моя – дама со скверным характером и извращенным чувством юмора. До полнейшей задницы пока не доходило, и на том спасибо.

Стоит рассказать немного о себе для ясности и, так сказать, знакомства: Алексей Симонов, студент четвёртого курса Института энергетике и электротехники. Умный, коммуникабельный, и чувство юмора не подкачало, но довольно рассеянный и немного ленивый. Внешность – на троечку. Волосы мягкие, темно – русые. Лицо симпатичное, с правильными тонкими чертами. Очки его не портят – напро-

тив, придают интеллигентный вид. А вот с фигурой беда: высокий, очень тощий, с длинными руками и ногами, узкими ладонями и крупными суставами. Я пытался это изменить: правильно питаться, налегая на белковую пищу, заниматься спортом. Но всё оставалось по – прежнему. Только более жилистым стал.

– Ты – ярко выраженный астеник! – сказала мне Светка, подруга из меда, когда я рассказал ей о своей проблеме. – Телосложение такое. Изменить его можно только качалкой и специальными таблетками. Но я не советую. Зачем гробить здоровье ради такой мелочи? Ты и так вполне себе ничего, – улыбнувшись, закончила она и шутливо ткнула меня кулачком в плечо.

В меде я проучился два курса, прежде чем понял, что это не моё. А проработав ещё год санитаром в травматологии, окончательно в этом убедился.

Совсем спорт не забросил. Держать себя в тонусе приятно и не слишком напрягает, если привыкнуть.

Болезни не преследовали меня на каждом шагу, но случались регулярно. Плюс гастрит средней степени тяжести и проблемы со зрением. Очки приходилось носить постоянно.

У девушек пользуюсь популярностью, но только не у тех, в кого влюбляюсь. Не судьба!

Вот так как – то.

Из грязного, душного подъезда я вышел в теплую июльскую ночь. Городской шум почти стих, большинство горожан уже спят, воздух свежий, настроение отличное. Вот только курить хочется. В компании, где много пьют, курящие люди и курят тоже много. Мы отмечали день рождения одного приятеля, много пили. Поэтому, собравшись домой, я решил зайти в магазин за сигаретами. До круглосуточного ларька тут идти всего пару дворов. Потом дойду до остановки, там поймаю машину.

В голове туманно и весело. Возможно, я слегка перебрал с алкоголем, а может, и не слегка. В таком состоянии объективно оценить своё состояние я НЕ в состоянии! Вот! Улыбнувшись своим мыслям, я подошёл к стеклянной двери магазина.

Продавщица, чуть полноватая миловидная девушка, читала книгу и моего появления не заметила. Я постучал костяшками пальцев в стекло и очаровательно (ну, по моему мнению, очаровательно) заулыбался. Девушка, отложив книгу, открыла окно ночной торговли и спросила:

– Вам чего?

– Мой ночной ангел! Не одаришь ли несчастного раба никотина порцией зелья?

– Чего? – скривила презрительно – непонимающую гри-

масу продавщица.

Не прошла шутка юмора.

– Сигареты есть?

Получив желаемое, я двинулся к остановке. Вроде, мелочь – что мне до презрительных гримас каких – то там продавщиц! Но настроения хорошего как не бывало. Ещё и кислятиной какой – то запахло, и туман вокруг, и ни один фонарь в округе не светит, как будто свет вырубил или фонари поломались все разом. Сразу стало как – то мрачно и неуютно. Надо было вызвать такси, а за куревом, можно было и на нём заехать.

Свернув на асфальтовую дорожку между школой и детсадом, я закурил. И тут, как мне показалось, асфальт поднялся и саданул меня в лоб!

Глава 2

Очнулся я в препаршивейшем состоянии. Голова гудит, тошнота, изжога, правая линза очков треснула, да к тому же и замёрз. Спать на улице в одной футболке, на голом асфальте не слишком комфортно – не в Майами живём. Пить хочется. Поднявшись, снял с плеч небольшой (20 литров объёмом) рюкзак, с которым почти не расставался. Пошарил в нем – может, каким – нибудь чудом там завалялась бутылка воды? Нет. Только плеер, таблетки от изжоги и какая – то мелочёвка. Разжевав пару таблеток, закинул на плечи рюкзак двинулся к остановке.

Фонари по – прежнему не горели, туман рассеялся. Сколько я провалялся? Достал телефон – два ночи. Выходит, часа три. Странно, сети нет. Может, при падении и ему досталось? Выключил, включил. Ничего не изменилось. Ладно, позже разберёмся.

Это ж надо было так напиться! Я никогда не был абсолютным трезвенником, выпивал не слишком часто – раза три – четыре в год. Но чтобы уснуть посреди улицы, такое впервые. Или я от удара об асфальт вырубился? Сомнительно. Не так уж сильно ударился. Хотя голова трещит не по – детски. Нет, надо завязывать с выпивкой!

Сигареты и зажигалка из кармана никуда не делись. Закурил сигарету, и после первой же затяжки меня вырвало. И

курить тоже пора бросать! Лежал бы себе сейчас дома под одеялом, а не бродил по ночным улицам. Отдышался. В голове немного прояснилось. Вышел на дорогу, прилегающую к большой магистрали, где и была остановка. У обочины дороги стояла припаркованная машина. Фары и габаритные огни не горели, а дверца водителя была открыта. В машине никого не было. Странно... Вышел к магистрали. Осмотрелся, насколько позволял свет звёзд, и прошептал в полной растерянности:

– Что за хренотень?!

Нет. Хренотень – это тень, отбрасываемая хреном на другие растения! А происходящее можно выразить другим русским непечатным словом!

Люди... Одни, как сомнамбулы, бродили по проезжей части, другие просто стояли на ней. Несколько машин врезалось в ограждения. В десятке метров от меня была ещё одна машина, с включенными фарами и магнитолой и открытыми дверцами. Позади неё слышалось невнятное урчанье, хруст, как от рвущейся ткани, и ещё какие – то звуки. Казалось, по асфальту мелкими рывками волокут тяжёлый мешок.

Я осторожно приблизился к машине. MerlinManson кричал из колонок, что рок издох. В корне не согласен с этим утверждением, но воняет здесь, как будто и впрямь кто – то издох.

Обошел машину, да так и замер увидев при свете фар разорванное человеческое тело. Над ним склонились ещё

три человека. Впрочем, люди ли это? Один грыз ногу мертвеца, пытаясь вырвать из голени кусочек посочнее. Другой, придерживая покойного за плечо и голову, обгладывал шею. Третий деловито копался в разодранном животе, вытаскивая сизые кишки, что – то выискивал, что – то выбрасывал, что – то отправлял в рот. Не иначе, гурман попался. Эта троица и издавала приглушенное урчанье. Видимо, от удовольствия.

Меня замутило. Я громко сглотнул. Гурман услышал этот звук, оторвался от кровавой трапезы. Я невольно посмотрел ему в глаза. Взгляд их был пустой и бессмысленный. «Зомби!» — пронеслось у меня в голове. Тварь оскалилась и заурчала громче. Два её сотрапезника тоже оторвались от своего занятия.

– У – у – а – а – а!! – вырвался у меня невольный крик.

Я отступил на шаг. А потом развернулся и со всех ног побежал прочь, не разбирая дороги.

Спасаясь от жутких тварей, я пробежал метров 30, завернул за угол жилой пятиэтажки и увидел там похожую картину. Да, это были зомби. Люди, да ещё и изрядно потрепанные (у одного почти полностью отсутствовала щека, и куски мяса, которое он жевал, постоянно выпадали изо рта), едва ли станут таким заниматься. Два зомби ели чей – то труп.

Я ругнулся. Резко затормозил (мои кроссовки заскользили по асфальту) и рванул в другую сторону. Из куста сирени, метрах в двух от меня, вывалилась ещё одна зомблячка. Двигалась она криво, босоножки со сломанными каблуками ме-

шали, а снять, наверное, не догадалась. Слегка подкорректировав курс, чтоб не знакомиться с бывшей красоткой, я продолжил забег.

«М – да – а! Раньше за мной с таким энтузиазмом девушки не бегали», – пришла мне в голову мысль. И эта была первая оформленная на приличном языке мысль с момента встречи с первыми тварями.

Зомблячка, впрочем, тоже не слишком – то шустро бегала. Она плелась за мной, урча и спотыкаясь. И мне надо бегать прекращать и начинать думать головой, пока её не отгрызли. Хватит свою панику тешить! Минуты через три моя ярая поклонница окончательно отстала.

Что происходит? Мир сошёл с ума! Зомби – апокалипсис! Локального масштаба или во всём мире так? Я – единственный выживший, или есть ещё нормальные люди? Почему люди превратились в зомби, и почему я остался человеком? Или ещё превращусь?

Мало информации. Строить догадки бессмысленно. Надо решить, что делать дальше. Чёрт! Бред какой – то. Может, у меня просто глюки? Не похоже: слух, зрение и обоняние сразу подводить не могут. Ну а если я окончательно рехнулся, меня поймают и вылечат! Нет смысла сомневаться в реальности происходящего, если проверить всё равно не можешь.

Что делать дальше?

Вернулась головная боль, а с нею и тошнота. А может, они никуда и не уходили – просто под действием адреналина

не замечал? И пить по – прежнему очень хочется.

Ночь вокруг. С моим зрением впотьмах недолго и в упор на упыря какого –нибудь натолкнуться. Надо где –нибудь спрятаться до утра. Утро вечера мудренее.

Вернуться к приятелям? Нет. Неизвестно, что с ними, скорее всего, тоже в зомби обратились, а там полный дом народу. В одной квартире человек семь осталось. Не хотелось бы в замкнутом пространстве с упырями остаться.

На дерево залезть? Ага! И гнездо себе там свить! Отличная идея!

Как же пить хочется! Нет чтобы в магазине, вместе с сигаретами минералки купить на утро. Хм... А магазин – это идея! Стоит в стороне от домов, внутри одна продавщица. Если она теперь тоже зомби, с одной управлюсь как –нибудь. И укрытие, и воды напьюсь, наконец.

К магазину пробирался не спеша, часто останавливаясь и прислушиваясь. Но мертвяки больше не попадались. И в самом магазине оказалось пусто. Задняя дверь нараспашку, продавщицы нигде не видно.

Убедившись, что ни в магазине, ни рядом никого нет, я закрыл изнутри служебную дверь на имеющийся там засов. Парадную – на всякий случай – забаррикадировал холодильником с мороженым. Подсвечивая себе телефоном, нашёл воду. Взяв бутылку, сел на пол, спрятавшись между полками и прилавком, залпом выпил полбутылки и незаметно для себя заснул.

Глава 3

Проснувшись, я первым делом допил воду из бутылки. Состояние не улучшилось – так же тошнит и так же, если не сильнее, болит голова. Достал телефон. Восемь утра, сеть, что неудивительно, не появилась. Опять возник вопрос: что делать дальше? Для начала надо осмотреться. Перекатился на колени, с удовольствием выпрямил затекшую спину и осторожно выглянул из – за прилавка.

Предосторожность оказалась не напрасной: метрах в пяти от стеклянной витрины магазина бесцельно бродил зомби. Грязные лицо и брюки, руки и рукава местами разодранной рубахи перемазаны чем – то красным. И нет сомнений, что это не краска. Схарчил кого – то, не иначе. Зомби ж, вроде как, нечисть, но солнышко ему, видимо, не мешает, ходит себе жив (если так можно выразиться), здоров, даже не кашляет. Надо потихому грабить магазин и валить отсюда.

Так, что тут у нас? Кассу брать не станем – зомби взяток не берут! Ну, по крайней мере, деньгами от них откупиться я пробовать не стану. Аккуратно взял из холодильника две двухлитровые бутылки с водой, пара банок тушенки и буханка хлеба тоже отправились в рюкзак. Есть пока не хочется абсолютно, но запас не помешает. Туда же отправился рулон скотча, найденный под прилавком – зачем, не знаю, но может пригодиться: вещь многофункциональная. Взгляд за-

держался на большой банке с солью. Помнится, в каком – то фильме нечисть её очень не любила. Попробовать, что ли? А чем чёрт не шутит, вдруг получится! А не получится солью с тварями бороться – просто убегу, вчера они большой скоростью не отличались. И как вообще они кого – то ловили и ели? Наверно, они среди друг друга по какому – то принципу самых вкусных выбирают. Зомби зомби – друг товарищ и пища!

Осторожно выбравшись через заднюю дверь, я обошёл магазин, отсыпал из банки пригоршню соли и начал со спины подкрадываться к жертве эксперимента. Когда подкрался метра на три, тварь забеспокоилась (унюхала меня, что ли), развернулась, заурчала. Я швырнул ей в лицо соль, но она даже не поморщилась, наклонилась вперёд и удивительно резко рванула ко мне. Я отскочил в сторону, но недостаточно быстро. Мертвяк вцепился мне в бок двумя руками. Сильная тварь, сразу вывернуться не получилось, и через мгновение к рукам присоединились и челюсти. Я взвыл от боли. Ударил мертвяка коленом под дых. Зубы разжались – видимо, зомби тоже дышат. Изо всех сил, чуть присев, добавил локтем в голову. От таких ударов и покрупнее ребята с ног падали, но зомби устоял. Хватка разжалась, я отскочил назад. Можно бежать. Но на меня накатила злость.

– Сожрать меня решила, тупая тварь?!

Шагнув вперёд, я ударил зомьи ногой в бедро, вкладывая в удар весь свой немаленький для моего телосложения, вес.

На этот раз тварь свалилась, но я на этом не успокоился. Раз за разом бил её ногами в лицо, вбивая в глотку зубы, которыми она прокусила мне бок. Наверное, убил бы мертвяка окончательно, но мне помешали.

На шум драки прибежала бывшая продавщица (недалеко, однако, она ушла). Двигалась зомблячка весьма проворно, злость моя уже поутихла, и я решил не лезть в драку. Не то чтобы мне рыцарская честь не позволяла драться с женщиной. Нет, в таких обстоятельствах угрызенья совести бы меня мучить не стали, но уж больно резво она бежит, да и жертва солевого эксперимента не факт что не очухается.

Швырнув ей в лицо открытую банку с солью, которую я продолжал сжимать в левой руке, я бросился наутёк.

Добежал до ограды садика – забора из прямоугольных секций, состоящих из стальной сетки, прикреплённой со всех четырёх сторон к раме из металлического уголка. Каждая секция крепится по бокам к вкопанным в землю металлическим столбикам. Забор высотой метра два – видимо, чтобы орды диких детей на прогулке не перепрыгнули через него и не разбежались. Я не стал тратить время на то, чтобы вдумчиво и обстоятельно перелезть через забор, а просто с ходу уцепившись за верхний уголок руками, подпрыгнул, выпрямил руки, выжав себя дальше вверх до пояса, куврыкнулся головой вниз, выпрямляя ноги, и, разжав руки, приземлился на ноги. Этот несложный акробатический этюд способно выполнить большинство пацанов старше двенадцати

ти лет. Вот только очки слетели, а без них я вижу, как через аквариум. Пока искал и надевал очки, зомбьячка добежала до забора, но перелезть не стала. Может, понадеялась, что пробьёт несерьёзную с виду сетку. Может, ей соль в глаза попала и она её просто не увидела.

Тварь с разгона влетела в преграду, сетка сильно натянулась, но героический забор выдержал. И натянувшаяся сетка с силой отшвырнула мертвячку назад, та отлетела на пару метров и покатила по земле.

Я не стал досматривать, чем окончилась битва тупой твари с неодушевлённым предметом, ломанулся через кусты и небольшие деревья, росшие в ограде детского сада, и... А не было впереди никакого детского сада, вообще никаких зданий не было, дальше тянулись кусты и деревья. «Всё страньше и страньше», – мысленно процитировал я «Алису в Стране Чудес», но удивляться лучше на бегу: кто знает, надолго ли забор задержит мою преследовательницу и долго ли она за мной бегать намерена.

Минут через пятнадцать остановился, прислушался. Вроде, тихо; надоело, ей, видать, за мной бегать или забор сильно озадачил. Снял футболку, осмотрел больной бок. Мертвяк не сильно его порвал, но кожу прокусил, кровоточит. И что, теперь я тоже заражен и превращусь в зомби? А, ну и хрен с ним! Превращусь так превращусь. Может, хоть полегчает. Эх! Не болит голова у зомби! А может, и пронесёт: если бы заражение через контакт передавалось, сразу весь город

не обратился бы в мертвяков. Тут что – то другое...

Ну а если стану зомбаком, первым делом вернусь и отгрызу этой шустрой твари ноги! Совсем загоняла!

Достал из рюкзака воду, попил, промыл рану. Кровь до конца не остановилась, подтекает. Оторвал рукав футболки, тут как раз и скотч пригодился, закрепил им ткань на ране. Можно двигаться дальше.

А куда дальше? Здесь город должен быть, а впереди – лес. А листья на деревьях жёлтые, и опавших много. Что, в середине июля осень настала? Чертовщина какая – то! Хотя после исчезновения как минимум приличного куска города и превращения людей в зомби стоит ли такому удивляться? Ну, осень так осень. Съесть она меня пока не пытается, и то хорошо. Вон дальше просвет виднеется: может, поляна, может, ещё что. Двинусь пока туда.

Далеко уйти не удалось. Слева и спереди послышалось уже знакомое мерзкое урчание, а потом – частый звук приближающихся шагов. Быстро приближающихся!

Ко мне неслась тварь, которую трудно спутать с человеком. От одежды остались какие – то обрывки, ноги развиты больше остального тела, пальцы рук оканчиваются длинными ногтями (или это уже можно считать когтями). Двигается быстро, о спасении бегством нечего и думать: догонит, вцепится в спину, тогда точно крышка. Да и так шансов почти нет, но всё же...

– Ну, тварь! – Я стиснул зубы, вставая поудобнее и го-

товаясь встретить монстра. Страшно? Конечно, страшно, но лучше страх со злостью, чем просто страх!

Не добежав пару шагов, тварь протянула ко мне руки, намереваясь схватить такого близкого и такого вкусного чело- века. Пытаться отпрыгнуть в сторону я не стал, вместо этого повалился на спину, перехватил её за запястья и упёрся ногой в живот. Не встретив преграды, тварь по инерции полетела дальше, но благодаря моим усилиям уже головой вперёд.

Этому приёму давным – давно научил меня мой школь- ный друг Денис. Он всерьёз увлекался дзюдо и компьютер- ными играми. Глядя на мою физиономию, сильно помятую Ванькой, который был на два года старше и на двадцать ки- лограммов тяжелее меня, Денис только хмыкнул и сказал:

– Пойдём, полезный скил покажу.

Обложив матрасами и подушками его комнату, мы всласть покидали друг друга, повеселились, разбили какую – то вазу. А полезный скил я накрепко запомнил и применял по мере необходимости. Действительно полезный, если про- тивник тяжелее и прёт на тебя буром – неплохой вариант.

Вот сейчас я этот скил и применил, слегка подкорректи- ровав под ситуацию. И он снова меня не подвёл.

Тварь была босой и, пролетая надо мной, полосонула ме- ня ногой через грудную клетку к животу. Ногти – когти на ногах оказались не меньше чем на руках. Боль обожгла меня и разозлила ещё больше.

На волне адреналина я вскочил с рыком и матами.

Полёт монстра был недолгим и закончился неудачно. Пролетев пару метров, тварь вписалась головой в дерево. Сознание не потеряла, но, видимо, «поплыла» и сейчас только начала подниматься, неуверенно опираясь на руки.

Не теряя времени, я прыгнул ей на спину, схватил одной рукой за подбородок, другой – за уродливый нарост на затылке. Резко, что было сил, крутанул. Раздался тошнотворный хруст. Тварь задергалась. Верхняя часть затихла быстрее, ноги ещё немного поскребли по земле и вскоре тоже застыли. Я обессиленно рухнул на землю рядом с трупом поверженного врага.

Глава 4

Приходя в себя, провалялся минут пять, не больше. Тварь воняла – не то чтобы уж совсем нестерпимо, но отнюдь не ландышами, да и с раной на груди надо было что – то делать. Я встал на четвереньки, и тут меня стошнило. Отполз в сторону, сел, стянул футболку, осмотрел рану. Три царапины – не очень глубокие, но широкие, и кровят неслабо. Опять пригодился скотч. Вывернув наизнанку футболку (там, вроде, почище), сделал из неё что – то наподобие перевязочной салфетки, приложил к ране, зафиксировал скотчем. Видок у меня сейчас, наверное, тот ещё! Да пофиг, не до того!

Попил ещё воды. Хорошо, что две бутылки из магазина захватил: в одной вода уже закончилась. С трудом поднялся, пошатываясь, побрёл к замеченному раньше просвету.

Чего же мне так хреново? Тошнит, голова раскалывается, слабость, шатает, жажда донимает. Состояние такое, как при сильном отравлении. Еще одну такую тварь я точно не переживу, я и с первой – то справился чудом. Не кинься она на меня с ходу, не окажись так удачно дерево сзади – и хана. Да и пройдишь она чуть выше когтями, порвала бы мне глотку. В общем, моя победа – всего лишь удачное стечение обстоятельств.

Просвет оказался проселочной дорогой. Не успев я на неё выбраться, как услышал чьи – то шаги, спрятался за куст,

начал наблюдать.

Из кустов с другой стороны дороги вышел странный человек – именно человек, а не зомби. Заросшее чуть не до глаз рыжей бородой и усами лицо, на голове – синяя пластиковая каска, в руках он держал копьё – не как у индейцев, а скорее на древнерусскую рогатину похоже, на бедре – кобура с пистолетом, а из – за плеча торчал приклад. Словом, тот ещё персонаж!

Персонаж остановился, оперся на копьё, уставился на куст, за которым я прятался, и замер. Постоял немного и, хмыкнув в бороду, ехидно спросил, обращаясь явно ко мне:

– Налюбовался?

Я промолчал.

– Вылазь уже, партизан!

Ну, я и вылез.

– Экий забавный! – прокомментировал моё появление мужик. – А тощай какой!

– Добрый день! – поздоровался я. Не то чтобы я и правда считал, что день сегодня выдался добрым, Просто всегда так здороваюсь, если не решил, как к человеку стоит обращаться: на «вы» или на «ты».

На дорогу вышел ещё один мужик. Усатый, на голове – панама, в руках – арбалет.

– Здравствуйте, молодой человек! – поздоровался он.

– Здравствуйте!

– Это кто тебя так расписал? – поинтересовался мужик с

копьем.

– Да там такое! – воскликнул я.

– Тише, не голоси! Не на партсобрании, – прервал меня бородатый. – Знаю, сначала туман был, кислятиной пахло, потом люди в упырей обернулись и давай один другого жрать. Ешшо тошнит тебя, голова болит и слабость донимает. Знаю.

– Так и есть.

– Сейчас подлечим. На вот, глотни живуна.

Бородач протянул мне алюминиевую армейскую флягу. Понюхав содержимое, я поморщился: пахло спиртом, сивухой и чем – то кислым.

– Не кочевряжься: нормальный живун, на самогоне делаю. Пей – полегчает.

Отпил глоток. Не амброзия, конечно, да что там, – прямо скажем, гадость. Ну, да что поделать, лекарство (а это, насколько я понял, именно оно), вкусным быть не обязано. Выпил ещё пару глотков.

Я по натуре человек не слишком доверчивый и пить сомнительную гадость, предложенную странным незнакомым типом, не стал бы, но в сложившихся обстоятельствах выбирать не приходится. Я отчаянно нуждался в помощи, а странная парочка почему – то к себе располагает, и, похоже, они знают, что делают.

– Теперь давай – ка перевяжем тебя по – людски. – Не церемонясь, бородатая «медсестра» оторвала мои кустарно

сделанные повязки и хмыкнув в бороду, предложила:

– Ложись, так оно сподручней будет.

Я с сомнением посмотрел на пыльную дорогу.

– Ничего. С тебя не убудет.

С меня действительно не убудет. За последнее время... блин, но прошло ведь меньше суток, а сколько всего случилось! В общем, жизнь мой гардероб не пощадила. Я улёгся прямо на дорогу. Бородатый склонился надо мной. (Мы с мужиками друг другу не представились, так что про себя я окрестил одного усатым, другого бородатым).

– Проф, дай аптечку, – сказал Бородатый своему товарищу. Тот подошёл, протягивая пластиковую коробочку, и стал изучать мои боевые ранения.

– Бок прокушен не сильно, а вот царапины на груди серьёзные. Неужели медляк или прыгун так поработал... – задумчиво произнёс Проф.

– Не знаю кто это, – ответил я. – Сперва сцепился с тварью, которая сначала вела себя, как обычный зомби, но когда меня заметила, резко ускорилась.

– Ну да, это и есть прыгун.

– Он меня и покусал, потом на шум драки, наверно, прибежала ещё одна тварь. Быстрая, еле от неё убежал. А недалеко отсюда встретился какой – то монстр, быстрый, с толстыми ногами, из одежды – одни полуистлевшие лохмотья, и ногти мощные, больше на когти похожи.

– Это, судя по описанию, матёрый бегун. Как же вам уда-

лось от него убежать?

– Решил, что у меня нет шансов от него убежать, не в моём состоянии. Я его убил.

– Матерого бегуна?! Новичок, голыми руками?! – усмехнулся Бородатый. – А не врёшь?

– Да зачем мне врать? Можем сходить посмотреть, тут не далеко.

– А и верно: чего б не сходить.

Глава 5

Бородатый завершил перевязку, придирчиво осмотрел меня, улыбнулся в бороду, удовлетворённый делом рук собственных, и сказал:

– Ну, веди, что ли, где там зверушка, тобою замученная?

Поднявшись с пыльной дороги, я с удивлением отметил, что чувствую себя намного лучше. Да что там, я отлично себя чувствую! Голова не болит, тошнота и изжога пропали, слабости как не бывало! Как заново родился! Кислая гадость из фляжки, видимо, чудодейственное снадобье. Я тут же приложился к фляге.

– Вижу, вам стало лучше, – улыбнулся Проф.

– Гораздо лучше! Из чего вы это готовите? Вы ведь сами это готовите? И... – Вголове прояснилось, и мозг, начав работать, наконец, сформулировал вопросы, которые так и висели в воздухе. – Игде мы находимся? И кто вы? Что вообще происходит?

– Очень правильные вопросы! – ещё шире заулыбался Проф. – Ну, давайте всё по порядку. Сейчас пойдёте к месту вашего боя с бегуном, а по дороге я, по мере сил, введу вас в курс происходящего. Вам, молодой человек, посчастливилось попасть в улей!

«Чего? Посчастливилось?! Куда попасть?» – так и хотелось спросить, но я сдержался. Не стоит перебивать челове-

ка, который собирается поделиться с тобой жизненно важной информацией, а уточняющие вопросы можно задать позже.

– Улей, или ещё его называют стиксом, – это мир, состоящий из множества кусочков, наподобие пчелиного улья, отсюда и такое название, – продолжал менторским тоном Проф. – Однако аналогия не совсем верна. Кусочки – здесь их принято называть кластерами – в отличие от пчелиных сот разные по форме, размеру и, так сказать, по некоторым свойствам. Время от времени некоторые кластеры обновляются (перезагружаются). Небольшая часть мира, например, ваш город, появляется здесь, в стиксе. Хищники и всеядные животные, вес которых превышает семнадцать килограммов, в том числе и люди, подвергаются заражению. Большинство превращается в тех самых тварей, с которыми вам довелось столкнуться. Очень небольшое количество сохраняет разум. Их в улье принято называть иммунными. Вы, молодой человек, один из них.

Проф сделал паузу, собираясь с мыслями, и я, воспользовавшись моментом, спросил:

– Значит, в городе, кроме меня, могли остаться нормальные люди?

– Это вряд ли, – ответил Бородатый. – Кластер быстрый, в таких редко иммунные бывают, одни упыри.

– Да, – поддержал тему Проф. – Как я уже говорил, кластеры бывают разными. Вы попали сюда вместе с так назы-

ваемым быстрым кластером, иммунные в таких – редкость.

– В этот мир проваливаются всё новые и новые куски других миров, в том числе и нашего? Я правильно понял? Но я ничего не слышал об исчезновении городов или какой-нибудь другой местности, да и вообще с трудом могу себе такое представить – исчез город, а что вместо него осталось? Ровное место? Кратер? Это бы точно не осталось незамеченным.

– Нет, кластеры в улей загружаются одни и те же, возможно, появляются и новые, но я о таком не слышал. Попробую объяснить. Возьмем, к примеру, N – ный кластер стикса, в котором расположена деревня. Кластер время от времени обновляется. Происходит это так: появляется туман с резким кислым запахом, всё живое старается убраться подальше, оставаться в обновляемом кластере чревато неприятными последствиями, туман через некоторое время рассеивается, и перед нами – обновлённая деревня с местными жителями, домашним скотом, и овощами на грядках. Жители превращаются в заражённых, поедают сперва домашнюю скотину, потом – иммунных, если такие есть, развиваются...

– Развиваются? – не удержался я от вопроса.

– Да. Зараженные, если им достаточно мяса для пропитания, со временем развиваются – становятся быстрее, сильнее, хитрее. Об этом чуть позже. Так вот, – продолжил лекцию Проф, – всё идет своим чередом: огороды зарастают сорняками, продукты портятся в обесточенных холодильниках, и так далее. Потом происходит следующая перезагруз-

ка, и всё начинается сначала.

– То есть, если в деревне сломать дом, после перезагрузки он снова будет целым?

– Совершенно верно!

– А если, скажем, угнать оттуда трактор, когда кластер перезагрузится, он не исчезнет?

– Нет, если будет находиться в другом кластере. Более того, в деревне появится такой же.

«Ура! Мною только что открыт бесконечный источник тракторов!» – пришла в голову саркастическая мысль. Однако информация интересная.

– Так откуда берётся эта деревня?

– Существуют две основные версии. Первая: в ней наличествует мультиверсум – мироздание в целом как совокупность миров, одним из которых является та вселенная (универсум), в которой мы обитаем. Понятие мультиверсума вытекает из ряда новейших физических концепций...

– Проф, не увлекайся, – перебил Бородатый разошедшегося товарища.

– Да, простите. Вы понимаете, о чём я?

– Грубо говоря, деревня выдёргивается каждый раз из разных, похожих друг на друга миров. И миров этих бесконечное множество.

– Да. По другой версии, механизм стикса раз за разом копирует в себя часть мира вместе со всеми находящимися в нём в момент перезагрузки живыми и неживыми объектами.

Происходит это незаметно, поэтому в том мире, с части которого была сделана копия, ни о чём не догадываются.

Беседа шла вполголоса, и шли мы не гордой походкой царя зверей, а как диверсанты в тылу врага. И Бородатый косился на нас очень неодобрительно, что сильно отвлекало. Чего ему не нравится-то?

Тем не менее, посвежевший после волшебной гадости мозг информацию усваивал и обрабатывал. Мир, сошедший с ума, начал укладываться хоть в какие-то рамки.

– То есть я – уже не совсем я, а точная копия с меня... – начал, было, я, но был грубо прерван.

– Ну, будет вам! – не выдержал Бородатый. – Разболтались, как две бабки на завалинке! Нашли место разговоры разговаривать: рядом кластер только после перезагрузки, туда сейчас упыри со всей округе собираются, а они тут! – Он показал нам с Профом кулак, и дальше мы шли молча.

Труп бегуна, к моему облегчению, никуда не сбежал. А то я бы этому не удивился: мало ли, кто их знает, мертвяков этих? Голову я ему не отрубал, осиновый кол в сердце не забивал, одно хорошо, что лежал он мордой в землю. Так, вроде, на Руси было положено упырей всяких хоронить, чтобы, когда они из могилы откапываться начнут, копали в другую сторону. Ага, прямо в Америку, к классовому противнику, значит!

Бородатый осмотрел труп, удивлённо усмехнулся:

– И впрямь, матёрого бегуна голыми руками одолел! Кро-

ви нет. Ты его задушил, что ли?

– Шею свернул.

– Как же вам это удалось? – покачал головой Проф. – Тварь не из самых сильных, но всё же голыми руками, да ещё и новичку... Впечатляет! У вас определённая потенция.

– Применил полезный скил, – пробормотал я, довольный похвалой. Ну, а что? Похвала, она и кошке приятна. И, видя, что меня не понимают, добавил: – Скил – умение. Э-э... Приём из дзюдо. Бегун на меня сходу налетел, а я его за запястья перехватил, ногой в брюхо уперся, перекатился на спину и через себя перекинул. Он в дерево головой врезался. Только встать начал, я подоспел и голову ему свернул.

– Ловко, – одобрилительно проговорил Бородатый. – Скил, значит. Агась. Проф, спокойно вокруг?

Тот чуть помедлил с ответом, замер, взгляд его расфокусировался, как будто он о чём-то задумался. Он постоял так пару секунд, проговорил:

– Всё спокойно. Вокруг никого нет.

Экстрасенс он, что ли?

– Агась, – кивнул Бородатый, вытащил зачем-то из-за пояса охотничий нож и склонился к трупу.

– У заражённых со временем на затылке образуется нарост, похожий на половинку головки чеснока, – так называемый споровый мешок, – прокомментировал мне действия товарища Проф. – Оттуда мы получаем охотничьи трофеи.

Видите эти два серо-зелёных шарика? Это спороны. Они в Улье являются основной денежной единицей, но главное – именно из них мы готовим живчик.

Проф замолчал, заинтересованно глядя на меня, видимо, ожидая моей реакции. А её не было – ну, делают живчик из частей тел монстров, ну и что с того? Люди чего только не едят! У охотников считается большим деликатесом печень только что убитого оленя. Звучит нормально, но вот выглядит... Ещё теплый, склизкий, окровавленный кусок внутренностей едят, пока он не остыл. Или деликатес чукчей пимекан – это хорошо промаринированный, а попросту говоря, проквашенный несколько месяцев кусок оленины. Воняет так, что мухи в экстазе падают, не долетая. Едят его без всякой тепловой обработки (а зачем она, собственно, полуразложившемуся куску мяса?) А о кофе сорта «левак» я вообще молчу.

А тут вполне нейтрального вида серо-зелёные виноградины, ещё и каким-то образом обработанные: кусочков чего бы то ни было в жидкости я не заметил. Почему бы не употреблять? Вкус, конечно, не ахти – кислятина, но можно потерпеть: это всё же лекарства. Но Проф явно ждал от меня какой-то реакции.

– От природы небрезглив, – пожал плечами я.

– Отлично! Так вот, трофеи с зараженных – основная ценность в Улье. Ведь живчик, споровый раствор, имеет для нас не меньшую ценность, чем вода и пища!

– Я так понял, это лекарство.

– В каком-то смысле да. Если вас ранят, нужно принимать больше живчика – это стимулирует регенерацию. Но и если вы остаётесь невредимы, живчик нужно принимать регулярно, примерно 150–200 граммов в день.

– Зачем?

– Видите ли, молодой человек, иммунные, в отличие от заражённых не теряют разум, наши тела меняются незначительно. Мы, как, впрочем, и твари, получаем ускоренную регенерацию. Ваши царапины, например, затянутся за пару дней, а через неделю от них не останется и следа. Если даже вам оторвёт руку, со временем вырастет новая, главное – остаться в живых. Болезни также не страшны нам: здесь умирают, как правило, не от этого. Но мы тоже заражены, и плата за всё вышеперечисленное – зависимость от спорового раствора, от живчика.

– А если не принимать этот самый живчик?

– Наступает споровое голодание, мы слабеем и со временем умираем.

Я задумался: зависимость – это, конечно, плохо, сразу на ум приходят наркоманы, а наркоман – слово ругательное, но ведь миллионы людей в нашем мире вынуждены постоянно принимать лекарства (те же диабетики, например). И это ради того, чтобы просто жить, без всяких бонусов. А тут тебе и здоровье, и регенерация бешеная. Даже оторванную часть тела можно вырастить! А взамен всего лишь регулярно пить

кислятину? Не такая уж большая плата. Если только...

– Живчик дорогой?

– С ценами в Улье всё непросто. Вот, допустим, одна горошина стоит примерно десять споронов...

– Что за горошина?

– Это основное средство для развития дара.

– Дара? – снова перебил я.

– Ох, молодой человек, вам ещё столько нужно узнать! – вздохнул Проф.

– Вам, ребята, дай волю – вы здесь корни пустите! Агась!

И зазеленеете, как два молодых дуба, – усмехнулся Борода-тый. – Ну, ежели вас не сожрут раньше.

– Дед, ты ведь сам понимаешь, как отчаянно молодой человек нуждается в информации! – возразил Проф.

– Значится, так! Сейчас в сельпо пойдём: приодеть парня надо. Там кластер неделю не обновлялся, вроде, ну да чего-нибудь подберём, потом – к привалу, ночевать там будем. Вот на привале и наговоритесь. Вот только... – Дед задумчиво закусил губу, – окрестить бы надо молодчика – то нашего!

Я удивлённо уставился на Деда. Что он имеет в виду?

– Да! Улей полон суеверий, молодой человек. И по одному из них имена, которые были у нас до попадания сюда, больше не подходят, – поддержал тему Проф.

– Почему?

– Если придерживаться версии, что мы – уже не совсем мы, а копии с нас в прошлой, так сказать, жизни, то, соответ-

ственно, имя тоже нужно новое. Иначе, мол, удача будет оттягиваться к владельцу имени, то есть к оригиналу. Немного путанно объясняю, – улыбнулся Проф.

– Я понял.

– Скил! – предложил Дед. – Давай Скилом его назовём?

Ему явно понравилось оброненное мной словечко.

– Хорошее имя! – поддержал его Проф. – Короткое и ёмкое одновременно.

– Я тоже не против.

– Ну, вот и ладошки! – улыбнулся Дед. – Меня Дедом кличут, а это Проф. Да ты понял уже, наверно, не тупой, вроде.

Так я стал Скилом.

Глава 6

Сельпо, как назвал его Дед, располагался почти в центре крупной деревни. Вопреки моим ожиданиям, твари нам встретились только раз, хотя пробирались мы по деревне, как диверсионный отряд в тыл врага: от куста к кусту, от забора к забору и в полной тишине. Первым шел Проф, он жестами указывал нам с Дедом, когда нужно остановиться и подождать и куда сворачивать дальше. Не думаю, что путь к магазину был так сложен и извилист – по всей видимости, мы что-то или кого-то обходили. Около очередного угла Проф остановился, жестами подозвал нас и еле слышно произнес: – Четверо. Прямо перед входом стоят. Бегуны, скорее всего.

С четвёркой заражённых справились быстро и без затей. Мы вышли из-за угла: впереди – мужики с арбалетами наготове, за ними – я с прихваченным тут же у обочины дороги булыжником. Ну, а что, за неимением лучшего сойдёт и он. Надо было до того, как в деревню зайти, хоть нож попросить. Мертвяки тарасились в разные стороны и никакого внимания на нас не обратили. И чего было так шифроваться? Твари, похоже, совсем тупые. Мои спутники тоже не стали приветствовать их громкими криками и пожеланиями крепкого здоровья (в Улье это пожелание, похоже, не слишком актуально). Разрядили арбалеты, свалив первых двоих,

остальные заурчали и бросились к нам. Самую шуструю Дед принял на копье и быстро добил инструментом, похожим на маленькую кирку. В последнего мертвяка я метнул камень, но промахнулся, в голову не попал, а удара в плечо тварь, по видимости, даже не заметила. Проф ударом топора почти полностью снес ей голову, на нескольких сухожилиях болтаться осталась.

Магазин порадовал разнообразием выбора – эдакий торговый комплекс поселкового масштаба, и вскоре я стал обладателем почти безразмерной футболки, простецкой ветровки и средних размеров плотницкого топора. Пополнил запасы продовольствия и воды; также в магазине нашёлся и аптечный отдел, где я разжился перекисью водорода, бинтами и несколькими флакончиками спирта. Хотел, было, прихватить хозяйственный нож, но Дед меня остановил.

– Оставь эти железки. Свой тебе подарю, у меня ещё есть. Раньше надо было подумать: в Улье совсем без оружия даже в нужник не ходят. Ну, да ты у меня один крестник, кроме Профа, а этот головорез... – Дед с усмешкой кивнул на упаковывающего что-то в рюкзак Профа, – во всеоружии прибыл. С охоты сюда попал.

Интересные, надо сказать, мне попались спутники. Проф – не иначе, сокращение от профессора. Вежливое и доброжелательное обращение (меня он называет на «вы», и как только меня окрестили, немного снисходительное «молодой человек» сразу заменилось на «Скил») выдают в нем

человека интеллигентного. Именно он объяснял мне правила мира, в который я попал (хотя старшим в группе явно был Дед), причём объяснял доходчиво и довольно лаконично. Эти импровизированные лекции ему явно доставляли удовольствие. Напрямую спрашивать я не стал: в Улье, насколько я понял, не принято вспоминать, а тем более рассказывать о прошлой жизни, но подозреваю, что до попадания сюда он был преподавателем, а может, и действительно профессором. В общем, с Профом более или менее всё ясно.

А Дед – личность, так сказать, загадочная! У человека с такой богатой растительностью на лице трудно определить возраст, но я бы дал ему не более сорока лет, а прозвище красноречивое. Да и замашки вполне себе дедовские: ворчит, на нас с Профом смотрит, как правило, с усмешкой и укором; так и кажется, что сейчас скажет: «Эх, молодежь!» И говорок его этот – с кучей просторечных и попросту устаревших выражений! Если не смотреть на Деда, кажется, что общаешься со столетним стариком из глухой деревни. Однако стоит на него взглянуть, и иллюзия рассеивается: взгляд цепкий, внимательный, мужик даже на вид крепкий и ловкий, движения стремительные, энергичные. Ему бы вместо синей пластиковой каски шлем римского легионера с плюмажем. Необычный, в общем, персонаж.

За околицей деревни мы сразу спустились в овражек, по дну которого тёк небольшой ручей, и, чуть пригибаясь, двинулись по нему в сторону видневшегося неподалеку леса.

– Заражённые не любят воду, – приглушённо проговорил Проф. – Такой ручеёк, конечно, не в счёт, а вот на лодке по довольно широким рекам плавать относительно безопасно. Ну, если от внешников подальше держаться.

– Кто такие внешники? – Не помню, чтобы Проф о них упоминал.

– Цыц! – так же приглушено шикнул на нас Дед. – Вот ведь неугомонные! Накличете беду.

Пройдя ещё с полчаса по лесу, мои спутники заметно расслабились, и я задал вот уже несколько часов мучивший меня вопрос:

– Кого мы так боимся? Все встреченные нами по дороге мертвяки тупые.

– Не боимся, а опасаемся! – поправил меня Дед. – Проф, расскажи, у тебя лучше выйдет.

– Все зараженные, которых мы встречали, действительно глупы и уже метров за пятьдесят могут не заметить спокойно прошедшего мимо человека. На звук и запах, правда, они реагируют гораздо лучше, чем на движение, запах крови или табачный дым они чувствуют издали.

Я тут же вытащил из кармана чудом сохранившуюся пачку сигарет, смял и выбросил. Со всеми этими приключениями о куреве ни разу не вспомнил, но лучше не вводить себя в искушение – привычка прилипчивая, уж сколько раз пытался бросить, всё тщетно.

– Верное решение! – улыбнулся Проф и продолжил рас-

сказ. – Как я уже говорил, зараженные, если им хватает пищи, развиваются и не только становятся сильнее, быстрее, умнее – их строение тоже подвергается изменениям. Всех тварей делят на отряды – по трофеям, которые с них можно получить, а эти отряды – уже на виды, по внешним признакам особей.

– Эм-м... – непонимающе протянул я.

– Сейчас поймёте. Свежие, только что попавшие сюда заражённые – ползуны, медляки, прыгуны, – не имеют спорового мешка или имеют в зачаточной форме, и трофеев с них нет вообще, их называют пустышками. Те из них, кому повезло с пищей, развиваются в бегунов, их мы встречали по дороге. Чаще всего их споровые мешки оказываются пустыми, но если повезёт, можно получить один-два спорона. Название этого отряда, соответственно, – споровики. К ним так же относится и следующая стадия роста – матёрый бегун, или спидер – именно с таким вы столкнулись незадолго до нашей встречи. Их споровые мешки редко оказываются пустыми. Далее идут высшие споровики – лотерейщики и топтуны. Эти твари гораздо опаснее. Лотерейщик получил такое название за то, что при большой удаче с него можно получить горошину, а от одного до четырёх споронов есть почти всегда. Ногти его превращаются в плоские когти, зубы меняются на более крепкие и острые, волосы частично выпадают, а плечи увеличиваются и подаются вперёд. Его ещё иногда называют жрачем. Далее идёт топтун. Его так называют за ха-

рактерный стук, который он издаёт окостенелыми пятками. Человека этот монстр напоминает мало – быстрый, большие когти и зубы, лоб покатый. Хм... – Проф ненадолго задумался. – Напоминает оборотня, каким его любит показывать современная киноиндустрия, но с тем отличием, что топтун не покрывается шерстью, а, напротив, сохраняет лишь пучки волос. В его споровом мешке можно найти от двух до шести споронов, и горох встречается несколько чаще, чем у лотерейщика. И ещё он начинает обрастать биологической бронёй, костяными пластинами на голове, спине и груди. Это пограничная стадия между отрядом споровиков и следующим – горошников.

– Ну ты и загибаешь, Проф! – хохотнул Дед. – Даже я тебя с трудом понимаю.

– Ничего, нормально, – приободрил я Профа. – А спороны и горошины во всех тварях одинаковые? Не бывает недозревших из свежих тварей или там, крупных, из тварей сильных?

– Нет. Образования в споровых мешках почти всегда одинаковые: созревают очень быстро или мгновенно, а не сформировавшиеся разрушаются со смертью носителя.

– Понятно. – Я решил не заострять внимание на «почти всегда».

– Следующий отряд зараженных – горошники, кусачи и руберы, – продолжил лекцию Проф. – С них, соответственно, добывают горох. В споровых мешках кусачей почти все-

гда есть одна, реже — две, и очень редко — три-четыре горошины, а также от четырёх до двенадцати споронов. Ещё почти всегда в них есть янтарь (вы, наверное, заметили, что споровые мешки бегунов заполнены субстанцией, на вид напоминающей грязную паутину). Янтарь — это похожая субстанция янтарного цвета, отсюда такое название. Из него готовят спек — это наркотик, и чаще всего его принимают зависимые, проще говоря, наркоманы, но есть и другое применение. Большая доза спека работает как анестезия и повышает регенерацию, в некоторых случаях под воздействием большой дозы спека смертельно раненного человека можно доставить к врачам и спасти ему жизнь.

— Проф, не забивай парню мозги лишним, — внёс Дед свою лепту в моё обучение. — Он же половину сейчас не запомнит. Ты о главном расскажи, а не упырей расписывай. Да что с них взять можно?

— Да, простите. Я снова увлёкся. Главное, что вам нужно знать, Скил, — это то, что заражённые очень опасны. Три-четыре развитых бегуна — а поодиночке они встречаются редко — могут доставить вам массу хлопот, если вы наткнётесь на них неожиданно или сильно на шумите. С лотерейщиком или топтуном одному справиться будет очень сложно, а ведь и они бывают группами или, что ещё чаще, в сопровождении тварей послабее. С одним кусачом мы с Дедом справимся. — Дед в Стиксе уже старожил. — Но без шума обойтись вряд ли получится, а если кусач будет со свитой, мы предпо-

чтём с ними не связываться. И это не самые сильные обитатели Улья.

– Руберы, – припомнил я.

– Рубер, или рапан, находится ближе к вершине развития заражённых. Трофеи с него богаче, чем с кусача, даже может встретиться жемчужина, но это бывает крайне редко. Для охоты на таких монстров нужна слаженная и очень хорошо экипированная группа, и это не гарантирует, что охота будет лёгкой. Верхняя часть тела и голова обычно покрыты биологической бронёй, слабое огнестрельное оружие не причинит ей вреда. Вес некоторых особей может превышать полтонны, при этом тварь быстрая, сильная и, что самое неприятное, умная. Но и это не самые сильные представители местной фауны. Далее следуют жемчужники – элита. Их не разделяют на различные виды, слабые элитники могут быть похожи на рубера, примерно как матёрый среднеазиатский волкодав похож на дворнягу: с виду животное то же самое, но не перепутаешь. Матёрые элитники могут быть самыми разными на вид; объединяет их то, что с них можно получить жемчуг, и главное – все они очень и очень опасны. Вес нередко может достигать нескольких тонн. Э-э... Вы знаете, Скил, что слоны совершенно не умеют прыгать? Элитники умеют, причем так, что способны в прыжке сбить низко летящий вертолёт. И очень быстро бегать, на машине от них уйти невозможно.

– Не удивлюсь, если кто-нибудь из них ещё и летать навострится, – хохотнул Дед.

– Да, как говорится, нет пределов совершенству, – улыбнулся Проф. – Но самая главная, на мой взгляд, опасность элиты заключается в том, что интеллектом эти монстры не уступают человеку, а если вспомнить некоторых людей, то и превосходят его. Эти твари могут устраивать засады и ловушки, использовать подручные предметы и других монстров; подчас предсказать их действия очень непросто, от этих чудовищ нередко можно ожидать сложных тактических ходов и уловок. Охота на них, как вы понимаете, дело крайне затруднительное – сразу и не скажешь, кто на кого охотиться будет. Тут даже танк не всегда является весомым аргументом, а лёгкую броню способны пробить даже не самые сильные особи.

Куда я попал?! Это же полнейшая и беспросветная ж...! (Простите за мой французский!) Тут как ни крути, рано или поздно тебя всё равно кто-нибудь сожрет. Как там Проф сказал в самом начале своей ознакомительной лекции? «Вам, молодой человек, посчастливилось попасть в Улей». Вот уж и впрямь «посчастливилось» – по-другому и не скажешь. Да я с самого начала пребывания здесь чуть полные штаны этого счастья не навалил.

– Да как тут вообще иммунные выживают?! Кластеры регулярно обновляются, тварей с ними прибывает несравнимо больше, чем иммунных. Укрепления в кластере делать бессмысленно – они исчезнут при перезагрузке. То есть безопасных мест вообще нет. Постоянно жить, переходя из кластера

в кластер, и ждать, что тебя неминуемо сожрут, как только хоть немного расслабишься? Полнейший мрак!

– Ну, не унывайте, Скил! Не все так плохо. Расслабляться на стандартных кластерах действительно не стоит, и укрепления – во всяком случае, долговременные – делать бессмысленно, да и оставаться на обновляемом кластере смертельно опасно. Те, кто так поступает, попадают под откат – умирают или теряют разум, что немногим лучше. Но это касается только стандартных кластеров. – Проф сделал акцент на слове «стандартных». – Ещё бывают кластеры стабильные – стабы. Такие кластеры не перезагружаются или делают это так редко, что современники об этом не знают. В крупных стабах иногда устраивают поселения, где можно чувствовать себя в относительной безопасности.

– Хм... Ну, это в корне меняет дело, – сказал я – Мы сейчас идём в такое поселение?

– Нет. Привал – это оборудованная стоянка, не более. Здесь местные охотники иногда останавливаются. Она расположена на совсем небольшом стабе. Это даже не полноценный кластер, а тройник – место, где сходятся границы трёх кластеров. Мы уже почти пришли, сейчас сами увидите.

Стоянка оказалась не похожа на туристическую, где посередине горит костёр, а вокруг него стоят лавки или брёвна, на которых можно сидеть. Оно и понятно: если в Улье не курят, чтоб не привлекать внимание мертвяков, то уж костер разжигать здесь явно не стоит. Всем ясно, какие гости могут

заглянуть на огонек.

Это был небольшой домик, наполовину вкопанный в землю и обложенный по краям дёрном. Такие строения я видел в фильмах о Великой Отечественной войне. Внутри по центру стоял стол с двумя лавками по бокам, у стен – лежаки и какие-то деревянные ящики.

Дед начал хлопотать по хозяйству. Из одного из ящиков он достал кастрюлю и чайник, из другого – небольшую двухконфорочную газовую плитку.

– Сейчас чайку сварим, да каши с тушенкой. Горяченького на ночь поедим, – сказал он.

В животе у меня тут же заурчало. От горячего я бы сейчас не отказался, да даже и от холодного. За весь день съел только банку тушенки да пару кусков хлеба и запил живчиком, а двигаться пришлось немало, да и не сказать, что ходили весь день прогулочным шагом. В общем, аппетит разыгрался зверский. Чтобы отвлечься от мыслей о еде, я решил ещё порасспрашивать Профа.

– Проф, вы рассказали мне кое-что о тварях и трофеях, которые с них можно получить. Это спороны, горох, янтарь и жемчуг.

– Совершенно верно!

– Из споронов готовят живчик, и они что-то вроде местных денег. Из янтара готовят местный наркотик. А горошины, – я так понимаю, они намного дороже споронов; вы говорили о соотношении примерно один к десяти.

– Вы внимательны, Скил, и у вас хорошая память, – похвалил меня Проф. – Очень полезные качества.

– Ещё вы упоминали о том, что горошины – это средство для развития дара, – продолжил я. – Расскажите, что за дар такой?

– Дар... хм... минуту...сформулирую, – задумался Проф.

– Чай готов, молодые дарования, – сказал Дед. – Под чай – то оно приятнее, беседы разговаривать.

Я налил чаю себе и Профу, – Дед о себе уже сам позаботился, – подал кружку своему наставнику.

– Спасибо, – кивнул мне Проф и начал свой рассказ. – Я уже говорил, что иммунные обладают повышенной регенерацией и практически не болеют.

– В Улье самая частая болезнь у рейдеров – это похмелье. – Усмехнулся Дед.

– Со временем у иммунных также увеличивается скорость реакции и другие физические показатели, не так сильно, как у заражённых, конечно, и ещё иммунные получают от Улья дар. Это сверхъестественная способность, или это можно назвать особым умением. Skill, так сказать, – улыбнулся Проф.

– Понимаю, – улыбнулся я в ответ.

– Каждый иммунный в течение нескольких дней после попадания в Улей получает свой дар, чаще всего бесполезный или малоэффективный: возможность прикурить сигарету от пальца или нагреть кружку с водой в руках, телекинез и ясновиденье разного рода.

– Ну, не так уж и бесполезно, даже воду нагревать – всегда есть возможность кипяточка для чая сделать, – сказал я, прихлёбывая из кружки.

– Тоже верно, – кивнул Проф. – Особенно стоит отметить несколько видов способностей. Ментат – человек, который способен отличать правду от лжи. Обмануть его, конечно, можно, чего-то недоговорив или искусной игрой слов, но прямую ложь он всегда почувствует.

– Если ему не встретится человек с даром обманывать ментатов, – усмехнулся Дед.

– Да, дары очень разнообразны. Ещё ментаты могут снимать с людей и записывать ментат-метки. Это что-то напоминает отпечатков пальцев, у каждого человека она индивидуальна.

– А на чём они её записывают?

– На чём угодно, подойдёт и простая бумага, но прочитать и сверить с человеком такую метку сможет только другой ментат. Такие люди очень полезны при выявлении преступников. Далее, сенсы – это люди, способные чувствовать на расстоянии различные объекты, в том числе и заражённых, своеобразный человек-рентген.

– Вы сенс?

– Да, правда, пока слабый.

Ну, как раз что-то подобное я и предполагал. Даже в терминологии почти угадал – просто сенс, не экстра, хотя тут, похоже, и экстра-класса встречаются.

– Ну и, наконец, ксеры. Это очень ценный дар, на них завязана большая часть экономики Улья. Больше всего в этом мире ценятся различные боеприпасы, ну, кроме трофеев с заражённых. Ксер может их копировать, в одной руке он сжимает патрон, в другой – то, из чего он состоит, использует дар, – и у него уже два патрона. Ксеры, конечно, могут копировать и другие предметы, главное – чтобы они помещались в руке и для них были ингредиенты, но, как вы, наверное, сами понимаете, гвозди им делать не приходится.

– Для того чтобы сделать патрон, им нужны гильза, порох, капсюль и пуля?

– Тут всё зависит от того, насколько сильно развит дар: кому-то нужен порох – не может сам его делать, кому-то – ещё что другое, кому-то – только ингредиенты, а кто-то может и выделять их из соединений.

– Дар развивается, если его использовать?

– Тренировки в использовании дара, скорее, помогают лучше им управлять. Сила дара, конечно, со временем растёт, как и физические параметры человека (я имею в виду силу, ловкость, скорость реакции), но происходит это очень медленно. Через несколько лет даже может открыться дополнительная способность, ещё один дар, но несколько лет в Улье – это очень большой срок. Я прожил здесь немногим меньше месяца и уже считаю опытным рейдером; многие новички не доживают здесь и до недельного срока. Но есть и другой способ развить дар.

– Горошины...

– Да. Горох и жемчуг. Из горошин делают раствор: одна часть уксусной эссенции, граммов тридцать, плюс две части воды. В этом составе растворяют горошину, гасят кислоту содой, процеживают, по аналогии с изготовлением живчика, и пьют. Этот раствор немного усиливает дар Улья.

– И много его можно выпить за раз?

– Это для разных людей по-разному, просто если почувствуете дурноту, головокружение, значит, надо сделать паузу.

– А что с жемчугом? Судя по тому, с каких монстров его добывают, стоит он немало.

– Да, жемчуг – очень дорогое средство, но и эффект от его применения гораздо сильнее; кроме того, есть вероятность открыть дополнительный дар Улья. Есть, правда, риск развития осложнений, но вряд ли кто-нибудь в Улье из-за этого откажется от приёма жемчуга.

– Что за осложнения?

– Отравление – вплоть до смертельного, частичное – только внешнее – превращение в зараженного.

– Серьёзно.

– Ну, смертельные отравления, насколько мне известно, редкость. А кваз (так называется человек, которому не слишком повезло с жемчугом) не теряет разум, страдает только внешний вид.

– «Не слишком повезло» – звучит так, как будто на чело-

века голубь нагадил. А на самом деле, стать такой образиной... да тут как бы свои по ошибке не пристрелили. Только и плюсов, что совсем ласты не склеил.

– Да, участь кваза не слишком завидна, и многие из них действительно гибнут по ошибке от рук не разобравшихся вовремя рейдеров.

Я что, последние мысли вслух подумал? Или сенсы и мысли тоже сканировать умеют? Или это ментаты умеют? Или все же не умеют? Квазосенсы, блин, с ментатрубероми! Нет, руберы – это из другой сказки. Голова уже пухнет от обилия новой информации!

– Поэтому им приходится тщательно следить за своей одеждой, чтобы всем сразу бросалось в глаза их отличие от заражённых, – продолжал тем временем Проф. – Но им хотя бы удалось разжиться жемчугом, не всем так везёт, и есть ещё один небольшой плюс: вместе с обликом зараженного кваз получает такую же физическую силу.

– Кончай лекбез! – сказал Дед. – Каша поспела, ужинать будем.

Гречка! С тушенкой! Какая вкуснятина! Воистину самое вкусное блюдо то, которое ешь голодным. Насытившись, я слегка осоловел, меня клонило в сон, но ещё пару вопросов я просто не мог не задать.

– А есть какая-нибудь возможность повлиять на то, какой дар тебе достанется?

– Хо-хо! Ишь чего захотел – дар выбрать! – добродушно

хохотнул Дед. – Есть слушок, что Улей даёт то, что тебе нужно боле всего, когда совсем прижмёт. Но вот когда именно, непонятно, новичков тут поперву постоянно прижимает. Ясно, что не в самый первый раз, а то бы у нас тут все бегунами первостатейными были. Так что кому что перепадёт. Я не мастак объяснять-то. Понял, нет?

– Понял.

– Вот и ладно!

– А как узнать, какой дар тебе достался?

– Бывает, что в критические моменты дар проявляется сам собой, или в этом деле могут помочь знахари – люди, обладающие особым даром. Они знают, видят... эм-м... не только сверхспособности, а вообще, что и как обстоит с человеком. Ещё они могут лечить и иногда видят будущее или прошлое. – Проф явно плавал в этой теме. – В общем, это особый дар, эм-м... и особые люди.

– В стабе, куда мы идём, есть знахарь?

– Видите ли, Скил, у нас с Дедом тут есть некоторые дела, – смутился Проф. – В общем, нам завтра предстоит расстаться. Простите, что...

Проф замялся и даже покраснел, и мне тоже стало неловко. Люди помогают мне, встретили, подлечили, рассказали, что да как, в деревню эту наверняка ради меня заходили, даже два спорана, что из убитого мною бегуна взяли, Дед завернул в тряпицу с ватой и мне отдал. Законный трофей. А я раскатал губу, ещё и до стаба меня за ручку отведи. А жё-

ванной морковкой вам, Алексей Михайлович, в рот не плюнуть?! Даже и в голову ведь не пришло, что у людей свои дела есть и они не обязаны со мною нянькаться. В общем, стыдно, Алексей Михайлович, или, точнее, уже Скил! Стыдно!

– Эм-м... Это вы меня извините, Проф. Вы ничем мне не обязаны, и я очень благодарен вам за помощь.

– Не обязаны, конечно, – сказал Дед. – Но так принято.

– Да, – с явным облегчением поддержал разговор Проф. – Нанести какой-либо вред новичку у рейдеров считается очень плохой приметой. Улей полон суеверий, но этот обычай я всецело поддерживаю.

– А рейдеры— это...?

– Это все, кто выходит из стаба и ходит по кластерам, то есть все иммунные, в общем-то, – рейдеры.

– Токмо, паря, не жди, что все встречные тебе помогать станут. Погани всякой в Улье хватает. Внешники, муры, сектанты, етить их в дышло!

Твою же ж мать! А я-то, было, подумал, что начал разбираться в местных реалиях. И тут – на тебе! Внешники, муры и сектанты! Куда их там Дед «етить» собирался? Я, пожалуй, к нему присоединюсь.

– Ну, внешников здесь опасаться, я думаю, не стоит. Так далеко без особой на то необходимости они забираться не станут. Сектантов неплохо контролирует спецура, а вот муры при неудачном стечении обстоятельств, и правда, могут стать проблемой.

Ещё и спецура какая-то. Это что ещё за зверь? Хотя они, вроде, есть меня не собираются, даже, наоборот, сектантов контролируют.

– Проф, я совсем перестал вас понимать. Кто такие эти внешники и муры?

– Внешники – это люди, но не иммунные и не заражённые. Их учёные нашли способ проникать в Улей из внешних миров. Они хорошо оснащены и экипированы. Некоторые внешники по техническому развитию похожи на нас, некоторые отличаются. Им всем приходится принимать меры предосторожности, чтобы не заразиться, носить респираторы... не знаю, что ещё они предпринимают. Внешники в Улье – как водолазы при погружении: далеко от своих баз им отходить проблематично. Они не единая сила, а скорее, ряд не разнообразных фракций, и могут как действовать сообща, так и мешать друг другу, но всех их объединяет одно – цель, то, зачем они приходят в Улей.

– И что это за цель?

– Они охотятся на иммунных. Из наших внутренних органов они делают лекарства, продлевающие жизнь и помогающие при очень тяжелых заболеваниях, таких, как рак, например. Иммунные, в свою очередь, по мере сил охотятся на внешников ради их снаряжения и боеприпасов, ну и, конечно, отчасти из мести. Мы находимся довольно далеко от баз внешников. Правда, они могут устаивать дальние рейды, но стронги тоже не спят, так что и на них найдутся охотники.

Да, стронги – это рейдеры, которые занимаются охотой на внешников.

– А муры что за зверь?

– Предатели, отребье, моральные уроды. Иммунные, у которых нет ничего святого. Они ловят рейдеров, продают внешникам и вообще не остановятся ни перед чем. Словом... – Проф махнул рукой, видимо, не найдя приличных слов, а материться ему воспитание не позволяло. – Их ненавидят даже больше, чем внешников, что и понятно, истребляют, по возможности, с особой жестокостью, но полностью эту мерзость выжечь не удаётся. Хотя к этому стоит стремиться.

Помолчали. Я – переваривая новую информацию, Проф – похоже, что – то припоминая, а Дед вообще не из болтливых.

– Ладно, ребята. Спать давайте, завтра рано пойдём, по холодку. Тебе, Скил, в Рок идтить надо, это стаб так называется, Нора ближе, но знахаря там сейчас нету, ну, да и до Рока недалече, за пару дней дойдёшь, ежели не торопясь. Я тебе расскажу, как добраться половчее, я тут каждый кустик по имени знаю.

Ну что ж, спать – это очень хорошо. Завтра я отправляюсь в самостоятельное плавание, и лёгким оно быть не обещает. Зомби, чудовища, муры, внешники, сектанты... никого не забыл? Вот и проверим, тварь ли я дрожащая или право имею. И топор у меня есть. Агась?

Глава 7

Спал, как младенец (не в том смысле, что всю ночь плакал и писался, а хорошо – крепко и без сновидений). Я-то думал, что после такого насыщенного впечатлений и новой информацией дня кошмары сниться будут, информация-то эта не самой позитивной оказалась, да и впечатления те ещё. Но нет, лёг тихо, как дрова, и словно выключился. Разбудил меня Дед, потряс за плечо, и бодрим до омерзения голосом сообщил:

– Кончай ночевать!

– Кто рано встаёт... – поддержал его Проф.

– Тот весь день спать хочет, – закончил я, садясь на постели.

Позавтракали оставшейся с ужина кашей и чаем. Проф молча собрал грязную посуду и вышел, надо отметить, прихватив с собой топор. Да, Улей к безопасности не располагает, без оружия – никуда, здесь все, похоже, со стволами под подушкой спят, и девушки с гранатами в косметичке ходят. И мне к этому суровому миру привыкать нужно. Кончилось весёлое времечко, когда можно было ходить, воткнув в уши плеер, засунув руки в карманы и думая о разных глупостях. В общем, хочешь жить – пора меняться. Невесёлые мысли, похоже, отразились у меня на лице.

– Да ты не робей, Скил, – сказал Дед. – Удача, она храбрых

любит. Токмо не путай храбрость с глупостью, и всё ладно будет. Я уж сколько лет живу, всякого повидать успел, и ничего, жив-здоров. И ещё как здоров!

Вернулся Проф, уже с чистой посудой, и мы начали собираться в путь. Да что там этих сборов-то, рюкзак на плечи закинул, топор за пояс заткнул – и готов. Вышли в утреннюю прохладу.

– Удачи вам, Скил! – пожал мне руку Проф.

– Бог даст, свидимся. Мы в Норе обретаемся, так ты заходи, если что, – сказал Дед.

И мы разошлись в разные стороны. Поначалу я шёл лесом. Мне попалась пара больших полян, и я обошёл их стороной – нечего на открытых местах светиться. Через пару часов показалась неширокая просека. Просека – это хорошо: значит, иду правильно. Дед нарисовал мне подробную план-схему дороги к стабу, со странным, на мой взгляд, названием – Рок. С такой картой даже человек, страдающий топографическим кретинизмом в тяжёлой форме, не заблудится: есть обозначения ориентиров и даже некоторые примечания вроде «хутор, опасно, коровы прилетают». Понятно, что хутор опасен не летающим крупным рогатым скотом... хотя летающая корова – это уже не голубь, гардероб при оказии серьёзно испортить может... Опасность более прозаична и куда серьёзнее: при перезагрузке вместе с хутором в Улей попадают коровы, а это – много ценного для заражённых мяса, на котором они могут неплохо отжраться. В общем, в

одно лицо, имея в арсенале только топор, в такие места лучше не соваться. Вот и просека эта была одним из ориентиров – свежая, только низким кустарником порости успела. Пришлось форсировать её на четвереньках, чтобы из кустов не высовываться: маскировка – прежде всего. Понимаю, что это перестраховка, но предчувствие было, какое-то нехорошее, а своим предчувствиям стоит доверять, особенно если тебе это ничего не стоит.

Ещё через час вышел на опушку леса. Дальше тянется обширное поле – не то пшеница, не то рожь, а может, и ещё что растёт; не разбираюсь я в злаковых. Присел, опершись спиной на дерево, дух перевести. Попил воды – день вступил в свои права, солнышко припекает – и задумался.

Не над тем, конечно, как поле пересечь, – его я просто по краю обойду, крюк неплохой выйдет, но это лучше, чем напролом переть. А вот в более глобальном смысле что делать? Идти в стаб – это понятно: в одиночку не выжить. И к знахарю мне надо: очень хочется узнать, что за способность мне подарил Улей, да и вообще человек – животное социальное. Но вот с чем я туда приду? В кармане (я имею в виду финансы) – голяк. Два спорана с убитого мною в самом начале пребывания в Улье бегуна не в счёт: мне ведь ещё и живчик иногда потреблять надо – сейчас запас есть, Дед подарил вместе с флягой, но дальше... Да и мало этого, я в местных ценах пока не разбираюсь, но с двумя споранами мне под забором ночевать придётся, не говоря уже обо всем остальном.

А ведь и к знахарю надо идти не с медицинским полисом, тоже оплата потребуется. В общем, мне нужны деньги. Но где их взять? Продать мне нечего, ещё и прикупить много чего не помешало бы. Нужно найти чего-нибудь на продажу, а может, и поохотиться, если удачно не слишком сильные заражённые подвернутся, и желательно, по одному. Ага, и желательно, по рукам и ногам связанные!

Достал карту. «Солнечный круг, небо вокруг, это рисунок мальчишки»... Художник из Деда тот ещё. Та-а-ак. Вот она, просека, вот поле, значит, я сейчас где – то здесь, а недалеко, чуть в стороне, бородатый мальчишка изобразил что-то похожее на четыре трехэтажных курятника и восклицательный знак. Я припомнил, что Дед говорил, рисуя эту часть карты:

– Тута город, магазин в ём большой есть, с лавками разными, ну и охотников на него немало из нашего брата. Из иммунных, то бишь. Ну, и народ с городом попадает, в общем, рядом ухо остро держи, хайлом не щёлкай.

Вот туда-то я и направляюсь. Всё ценное из магазина, скорее всего, уже унесли, но мне не до жиру – не на продажу, так, может, для себя чего-нибудь найду.

* * *

При словах «мёртвый город» сразу представляется низкое, свинцового цвета небо, серые громады многоэтажек, скалящихся разбитыми стёклами окон, следы пожарищ,

остовы машин, тронутые ржавчиной и обязательно без колёс, и чахлые кустики, пробивающиеся через растрескавшийся асфальт. В общем, атмосфера должна давить на нервы, а здесь небо голубеет, солнышко блестит, отражаясь в целых, надо заметить, оконных стёклах, птички чирикают – с виду покой и благодать. Но я расслабляться не стал, даже топор нес в руке, а то пока его ещё из-за пояса достанешь... Шёл аккуратно, но быстро, от укрытия к укрытию, стараясь не шуметь, часто останавливаясь и осматриваясь по сторонам. Ага, вот и местные обитатели, человек десять, точнее, не человек, а... как бы их назвать... тел, особей? В общем, твари собрались на перекрёстке и стояли, раскачиваясь с носка на пятку, – я так зимой на остановке в ожидании автобуса иногда раскачивался, чтобы ноги меньше мёрзли. Но автобус к ним, видимо, никак не шёл, вот и я не пойду.

Пробирался по городу ещё часа два, обходя группки заражённых стороной. На глаза никому не попался, но и сам ничего интересного не нашёл. Заметил полицейский бобик, с открытыми дверцами. А это уже может быть интересно, может, оружием разживусь. Забрался внутрь. Где у них тут оружие храниться должно? На заднем сиденье пусто, под сиденьями пусто, и в бардачке ничего ценного – похоже, облом.

Совсем близко послышалось утробное плотоядное урчание. А, чтоб тебе... я аж подпрыгнул от неожиданности. Через смотровое окошко из отсека для задержанных на меня скалилась обезображенная морда заражённого; его в сумато-

хе переагрузки, конечно, никто выпускать не стал.

Перебрался в припаркованную неподалеку легковушку. Нет, так дело не пойдёт, этот магазин в незнакомом городе искать долго можно. Пока мне везло: ни на какую серьёзную тварь не нарвался, но так вечно продолжаться не может. Надо включить голову, она у меня не только для того, чтобы в неё есть. Зададим себе правильный вопрос. Как ориентироваться в незнакомом городе? В своём мире я бы воспользовался яндекс-картой или спросил дорогу у местных. К местному населению с расспросами лучше не лезть, яндекс-карта, по понятным причинам, тоже не вариант... Стоп! Яндекс-карта – не вариант, а просто карта? Бумажная карта города. В век высоких технологий они, конечно, уходят в прошлое, но для туристов там всяких, с обозначениями местных достопримечательностей, со всякими рюшечками и завитушечками – такая, чтобы и вещь, и на память осталась. А это идея! Вон у остановки и киоск «Роспечать» стоит.

Карта и впрямь нашлась, и до искомого магазина я добрался без проблем. Торговый центр «Ленинский» встретил меня выбитыми витринами и тишиной. Я походил между одёжными бутиками; можно одеться в дорогой брендовый шмот. Только на фиг он теперь нужен? В Улье в моде надёжность и практичность. Зашёл в супермаркет. Что у нас здесь? Взял кило фундука: сытно и вкусно, орешки я люблю. В виноводочном отделе взял три бутылки самого дорогого коньяка: народ здесь, как я понял, бухает неплохо, может, и

выручу за них что-нибудь.

Из-за очередного стеллажа с товарами на меня выскочил заражённый – я встретил его ударом топора в лоб, потом добавил ногой в грудную клетку, опрокидывая противника на спину, отскочил назад, а уже потом испугался. Тварь задёргла ногами, но встать не пыталась. Затихла: всё, готова! Прислушался: всё тихо, можно выдохнуть.

Вот ведь урод! Расслабился я что-то. Заражённые не любят закрытые пространства, и в помещениях редко встречаются, нечего им тут делать, а этот индивид догадливым оказался или во время перезагрузки, когда разум ещё не полностью потерял, на свежее и сырое потянуло. Прилавки мясного отдела открыты, и мяса в них нет, а вот на колбасу никто не польстился – вот и думай, из чего её делают.

Ещё на подходе к городу в голове поселилась какая-то мысль, или понимание чего-то. Так бывает: образ есть, но во что-либо конкретное он ещё не сформировался. Мёртвый город с веселым птичьим щебетанием и летним солнышком – разрыв шаблона. А сейчас я переворачиваю ещё не остывший труп и собираюсь покопаться у него во внутренностях и при этом никакого душевного протеста не испытываю. Это другой мир! Не другая страна, не другой континент, даже не постапокалипсис – именно другой мир. И я не Алексей Симонов, я – Скил. Алексей остался там, в социуме и цивилизации, в мире с правами, гарантиями и лицемерием. Там правят бал шаблоны и стереотипы: мне пло-

хо – придет «скорая», мне хорошо – милиция. А здесь всё проще и сложнее одновременно, здесь жить надо по-другому. «Ага. Здесь вам не тут!» – голосом старого сержанта подсказал внутренний голос. «Уймись, скотина, дай мысли полезные додумать!» – приструнил его я. Так вот, я – Скил, новый человек с личностью Алексея Симонова, и кое-какие понятия мне нужно пересмотреть. Я сейчас не копаюсь в потрохах бывшего человека – я собираю трофеи с убитой мной дичи. А трофеев-то, кстати, и нет, в споровом мешке одни лишь чёрные лохмотья.

«Заражённые» – так в Улье называют тварей, получившихся, в основном, из людей. Может, потому, что сам термин подразумевает заразу, а зараза – это всегда плохо, как бы самому не подхватить; может, потому, что человек испытывает страх при виде трупа другого человека. Всем понятно, что мёртвые не кусаются (это ещё Джон Сильвер из «Острова сокровищ» сказал), но на уровне инстинкта человек боится, что и с ним может произойти то же самое. В общем, подспудно я боялся заражённых, даже не отдавая себе в этом отчёт. А теперь, когда пришло осознание этого страха и его причин, бояться перестал. Не надо их бояться, это не ходячие трупы, и зараза мне не страшна, я – иммунный, это просто опасные животные, и, соответственно, их следует опасаться, то есть трезво оценивать риски. Слабые заражённые, споровики, менее опасны: тупые, я знаю чего от них можно ожидать и где у них уязвимые места, – это предмет охоты

для меня. Сильные заражённые – горошники и жемчужники – более опасны: умнее, быстрее и т. д.; нужно постараться не стать дичью для них. Всё просто. Расставив всё на свои места – новый мир, новый я, зараженные, я как-то даже успокоился. Бдительности и внимания не ослабил, но внутреннее напряжение, которое я постоянно испытывал с момента расставания с Дедом и Профом, отступило, прошло.

На втором этаже располагался большой спортивный супермаркет и ещё несколько павильонов, в том числе и со снаряжением для активного отдыха, рыбалки и охоты. Тщательно обследовав всё это, сменил рюкзак на более удобный и вместительный, подобрал удобные трекинговые ботинки, посуду из нержавеющей стали, газовую горелку, пару небольших баллонов к ней, каремат, лёгкий и тёплый спальник и термос, – словом, экипировался, как заправский турист. Ещё сменил плотницкий топор на такой же по размерам туристический с прорезиненной рукояткой и ещё один маленький, всего в локоть длиной, – может как метательный сгодиться. В павильоне с названием «охота» кто-то побывал до меня и вынес всё ценное. Для себя нашёл только камуфляжного цвета штаны с множеством карманов, куртку такого же цвета и бинокль, что очень кстати – зрение восстанавливалось на удивление быстро, но некоторые проблемы ещё были. По итогам: прибрахлился неплохо, но богаче не стал – на продажу ничего не нашёл. Надо идти на охоту.

Походив с полчаса по окрестностям, в тихом дворике убил

пару бегунов: парочка куда-то шла, а тут я навстречу. Я заметил их первым, но скрываться не стал, просто остановился и достал метательный топор из-за пояса, другой топор держал в левой руке – ну прям суровый варвар, блин! Послышалось плотоядное урчание, твари со всей возможной для них скоростью двинулись ко мне. Когда до них оставалось метров пятнадцать, в того, что был чуть ближе, я швырнул топор – попал в голову, бегун упал и заскрёб ногами по асфальту. Второго, перехватив топор двумя руками, я встретил сильным ударом сверху, как будто собирался расколоть чурку, – голова заражённого раскололась, как та самая чурка. Вот и всё, вроде, ничего сложного. И этот ногами по асфальту скребёт, причем верхняя половина лежит спокойно, двигаются только ноги; предсмертный танец у них такой, что ли, или, точнее, постсмертный. Споровые мешки у обоих оказались пустыми, ну да не всё коту Масленица. Будем считать, что удача накапливается, а потом к-а-ак выдаст... Губзака-точную машину нового поколения, на батарейках.

А метательный топорик неплохо себя показал, и навык не пропал.

Тут, наверное, стоит подробнее рассказать об этом самом навыке и о том, откуда он взялся. В детстве, насмотревшись ГДРовских фильмов об индейцах, мы с друзьями раздобыли, уже не помню где, маленький плотницкий топорик и принялись его метать в дерево. Получалось плохо, но мы не сдавались, самоотверженно и увлеченно тираня несчастный то-

поль. Занятие нам самим дня через три надоело бы, но на второй день упражнений мы были взяты с поличным родителями, с нами была проведена воспитательная беседа об опасности игр с холодным оружием и любви к живой природе, а топор у нас изъяли. Уже в старших классах школы на выезде на природу к нам в руки попал похожий топор, и мы, вспомнив тот случай, дурачась, опять начали играть в индейцев. Результаты метания были немногим лучше, но у меня получалось особенно плохо. В те годы я очень болезненно относился к насмешкам в свой адрес, хоть виду и не подавал, и к очередному выезду решил подготовиться и, снова предложив эту забаву друзьям, поразить их своим умением. Ну, а что? Я был нормальным подростком, с нормальными глупостями в голове. Вникнув в тему подробнее, я понял, что в моём плачевном результате на прошлых метаньях виновата не прямота моих рук и не то, откуда они у меня, якобы, растут, а просто неудачное расстояние до цели. Дело в том, что при метании топора (и не только топора) нужно знать, за какое расстояние оружие совершит полный оборот. И это расстояние у каждого индивидуальное, зависит от роста человека, силы броска, длины рук и ног. В серьёзное увлечение метание всяких железяк у меня не переросло, но топор метать я научился неплохо и иногда баловался этим делом, например, на выездах на шашлыки: и время убить, и немного дешевой славы. Так что расстояние одного оборота, несмотря на то, что со школьных лет оно изменилось вместе с моим телом,

я знал. Шесть шагов. Остальное рассчитать – дело техники.

Группы заражённых, в которых больше трёх особей, я обходил стороной. Расчёт такой: одну тварь успокаиваем на подходе, ну, или хотя бы сильно озадачиваем метательным топором, вторую встречаем ударом сбоку или сверху (это как получится) и одновременно с этим отскакиваем в сторону), твари атакуют с ходу и мгновенно остановиться не могут, так что третья, не встретив соперника, должна потратить время на то, чтобы остановиться и развернуться. За это время можно напасть на неё или добить вторую, если с первого удара не вышло, главное – не зевать. Ну, это в идеале, конечно, всё предусмотреть невозможно. В случае чего будем импровизировать. То есть, как справиться с тремя соперниками я представлял, а вот четвёртый может доставить проблемы; ну, а чтоб нападать на большее количество с одним, ну, ладно, с двумя топорами, нужно быть как минимум Ван Даммом, а лучше – Чаком Норрисом, тогда и без топоров обойтись можно.

Три силуэта на фоне белой стены я заметил издали: двое стоят чуть в стороне, третий – на четвереньках, с низко склонённой головой. Чего он там делает? Запонку потерял? Я достал бинокль. Ага, здоровенная тварь, больше напоминающая облезлую гориллу, чем человека, с жадностью кого-то поедает, а двое в стороне, матёрые бегуны, или, как их ещё называют, спидеры, – видимо, его группа поддержки, – стоят в сторонке, ждут, когда лидер поест.

А ведь в таких спораны точно есть. Внимательно осмотрел окрестности места предполагаемой битвы, в голове созрел дерзкий план. Если я быстро обойду весь двор с внешней стороны домов, то выйду как раз за спиной трапезничавшей твари, метрах в шести от неё – с такого расстояния я без проблем попаду ей топором в затылок, то есть в споровый мешок, и в противниках у меня останется только два хоть и развитых, матёрых, но всего лишь бегуна. Опасно конечно, но... а-а, двум смертям не бывать, решил я. Если не получится, скажу им, что пошутил.

Так я и сделал. Немного не доходя до угла, за которым пировал топтун (а судя по виду, это был именно топтун), я сбавил шаг, подкрался к углу и украдкой выглянул за него одним глазом. Ситуация не изменилась, вот только одного я не учёл: монстр сидел, низко склонившись к трупу, что-то рвал зубами, помогал себе руками, но голову не поднимал; с такого ракурса затылок его я не видел и попасть в него, само собой, не мог. И что делать? Видя только спину и задницу, я мог подбежать и вставить ему хорошего чирка! Тоже вариант – конечно, после такой выходки я бы умер героем. Правда, героем анекдотов. Почти все военные хитрости придуманы до нас, вот и я велосипед изобретать не стал. А может, и надо было изобрести и быстренько на нём уехать подобру-поздорову. Я поднял лежавший у меня под ногами небольшой камешек, кинул его поверх голов тварей в припаркованную на въезде во двор машину. Троица среагировала на звук, топтун

поднял голову, и я кинул топор в уродливый нарост у него на затылке. Попал! Тварь утробно всхрюкнула и завалилась на остатки своего обеда. Две оставшиеся развернулись и с мерзким урчанием бросились ко мне. Уже шагая обратно за угол и готовясь встретить первого же противника ударом дровосека, я заметил ещё одного спидера, выбегавшего из двора. И события понеслись вскачь! Первого я, как и планировал, успокоил ударом топора, как только он показался из-за угла. Удар вышел отменный – твари почти полностью снесло полголовы. Второй спидер не успел остановиться сразу и по инерции пробежал ещё пару шагов. Я ударил его в спину, хотел перебить хребет, но промахнулся. Топор глубоко погрузился в тело врага, но тот боевого духа не растерял. И тут меня сбила с ног третья тварь, врезавшись мне в бок. Падая, я сумел повернуться к ней лицом, выпустить рукоять топора и перехватить противника за руки, но провести бросок через себя не успел, только повалил тварь на себя. Спидер не делал попыток встать, а сразу потянулся зубами к моему горлу. Я уперся руками в его подбородок, но тварь оказалась сильней и медленно, но неуклонно приближалась к моему лицу. Тут я почувствовал резкую боль в правой лодыжке – к моему и без того бедственному положению присоединился второй спидер (моё оружие ему, похоже, даже аппетит не испортило, вот он и решил погрызть мою ногу). Стоп! Оружие! У меня остался нож на поясе! Когда мне удалось расстегнуть ножны и достать его, я уже чувствовал смрадное дыханье твари на

своём лице. С силой всадил нож в её шею пару раз, на всю длину лезвия, благо, это был настоящий охотничий нож: не слишком широкое лезвие, сантиметров 15 длиной, удобные упоры, рука не соскальзывает. Свалив с себя обмякшее тело, я сел, кинул нож в глаз второй твари – расстояние метр, не промахнешься; спидер выпустил мою ногу, и я тут же пнул его другой ногой, вбивая нож дальше в глаз.

Глава 8

Утро следующего дня я проспал; существует, правда, мнение, что у нас, в России, когда встал – тогда и утро, но я всё же считаю, что утро – это время с пяти до десяти, а одиннадцать часов – это уже одиннадцать дня. А проснулся я как раз в одиннадцать. За ночь вставал один раз – гидробудильник сработал, но только светать начало, и я, попив живчика, решил ещё немного поспать, ну вот и продрых ещё шесть часов. Во времени я ориентировался по сотовому – в Стиксе и в моём старом мире время, видимо, текло одинаково, или расхождения были незначительны; а может, мой сотовый автоматически синхронизировался с местным институтом точного времени (ну так, в порядке бреда – я здесь ничему не удивлюсь). А батарейка садится; хорошо, что хоть почти сразу как понял, что в другой мир попал, догадался режим без поиска сети поставить, а то давно бы уже села, а точное время по солнышку я определять не умею. Надо взять на заметку: как только представится такая возможность, обзавестись часами; специально этим вопросом озадачиваться, конечно, не стоит – не критично, на метро здесь не опоздаешь, – а с делами попутными надо не забыть.

Остаток вчерашнего дня я потратил на поиски спокойного места для ночлега. Быстро собрав трофеи и оружие и наскоро перевязав ногу, доковылял до оставленного в кустах

рюкзака, попил живчика и стал выбираться из города. Нога болела – не то чтоб совсем нестерпимо, не так уж сильно её спидер покусал, могло быть и хуже, но наступать на неё было крайне неприятно. До окраины города дошёл без приключений. Собственно, окраиной это место в мире, из которого сюда попал этот город, может, и не было, но здесь явно начинался другой кластер: ухоженный парк плавно перешёл в дикий лес, асфальтовая аллея резко оборвалась и продолжилась разбитой грунтовкой. Пройдя вдоль неё пару километров, я вышел к краю поля, через которое тянулась ещё одна дорога. В месте, где она пересекалась с просёлком, стояли четыре дома с прилегающими к ним огородами. Сверился с картой Деда. Ага, есть такое место, значит, пока бродил по городу, направление не потерял. Пробирался туда сперва по придорожным кустам, а когда они закончились, и вовсе полз по канаве, шипя под нос разнообразные ругательства: нога от нагрузок разболелась. Опять перестраховываюсь? Может быть, но если даже у вас паранойя, это ещё не значит, что вас не преследуют. Старая, как мир, истина. На двух третях пути ругательства пошли по второму кругу, и я замолчал. Вообще-то не думал, что я их так много знаю, приличным человеком себя считал.

Осмотрел дома, не нашёл ничего полезного, впрочем, как и опасного. На ночлег устраиваться в них не стал: воздух внутри застоявшийся, душный, да и тухлятиной воняет. Источник вонючки – холодильник, даже мысли открыть его не воз-

никло, там, похоже, новая жизнь уже завелась – откроешь, а она на тебя нападёт. На фиг, на фиг. У стены одного из домов я заметил железную приставную лестницу – тяжелую, похоже, из толстостенных труб сваренную, такой много времени надо, чтоб проржаветь до окончательной непригодности. По ней попал на чердак, заваленный досками и какими-то ящиками. Переставив несколько, отвоевал у хлама себе немного жилого пространства в дальнем углу, там и обосновался на ночлег, не забыв втащить за собой лестницу и спрятать её за досками.

А сегодня, проснувшись, допил остатки живчика, сделал ещё (благо, всё необходимое имелось с собой: спирт, вода, спораны), а в качестве фильтра стодился сложенный в несколько слоёв бинт. Гадость получилась та ещё! Дедовский живчик на вкус был гораздо приятнее, хоть и крепче, но если помнить о том, что это не напиток, а лекарство, вполне сойдёт. Плотно позавтракал тушёнкой, хлебом и даже чаем (не пожалел, что прихватил горелку и газ: и тушенку разогреть, и чай вскипятить). Я решил никуда сегодня не двигаться – отлежусь, ногу подлечу, зрение ещё восстановится, да и обдумать в спокойной обстановке кое-что не помешает. Расслабляться вне стаба – не самая лучшая идея, но ломиться сюда серьёзным тварям, вроде, незачем, да и спрятался я, на мой взгляд, неплохо. В общем, я понадеялся на русское «авось», улёгся обратно на импровизированную лежанку (каремат, поверх него – ватный матрас, ещё вчера снизу

из дома притащил, и спальник) и глубоко задумался.

Для начала тщательно проанализировал вчерашнюю охоту. Вывод – в двух словах: дуракам везёт! Везёт потому, что добыл двенадцать споранов и целых две горошины, и главное – при этом отделался лёгким испугом (покусанная нога не счёт). Да это просто чудо, что жив остался! А дуракам... А как ещё назвать человека, который с криком «всех убью, один останусь!» кидается с саблей на танк, причём на танк, который едет мимо и его не замечает? Если бы я в момент, когда увидел тех трёх тварей, думал головой, а не тем местом, на которое люди себе ищут приключений, обошел бы эту троицу десятой дорогой. Не подумал о том, что пока я совершаю свой обходной манёвр, мне могут встретиться и другие твари и на шум наших разборок прибежит тот гориллоподобный монстр. Не подумал и о том, что твари, развиваясь, становятся не только быстрее и сильнее – слух и обоняние у них тоже становятся лучше, и как я ни старался двигаться бесшумно вдоль всего дома, за которым были твари, меня могли просто услышать. Ладно, вожак был занят – жевал так, что только хруст стоял (наверное, иммунного поймал), но ведь были ещё и спидеры. О том, что я не мылся уже два дня и от меня потом за версту разит, я тоже не вспомнил (тут меня, видимо, спасло то, что ветер был в мою сторону, я ещё отметил перед броском, что ветер встречный, но не слишком сильный, на точность броска повлиять не должен). Но я ведь до этого и с другой стороны их обходил, когда про-

бирался ко двору, намного дальше, конечно, зато тогда ветер как раз дул от меня и моё амбре нёс прямо к тварям. Почему меня не почуяли, у меня объяснения нет, не иначе Улей помог дерзкому новичку.

А гориллоподобная тварь, которую я принял за топтуна, при ближайшем осмотре оказалась как бы не следующей стадией – кусачом или чем-то переходным. Пятки не костяные – нормальные лапы, человеческие уже не напоминают, а когда я с трудом перевернул тушу, (хотелось посмотреть на морду убитого чудовища), пасть сама приоткрылась, труп ещё не начал коченеть, и я увидел клыки, по бокам аж в два ряда. Тоже дурак, кстати, нашёл время любоваться – крови свежей вокруг полно: и тварей, и моей есть немного, как бы на запах ещё кто не прибежал, а я аки гордый герой на убитое чудовище взираю. Мол, ну что, супостат, отведал удали молодецкой? Знай наших, образина страхолудная! Идиота кусок!

Мысли плавно перетекли к теме дальнейшей охоты на заражённых. Кидаться на развитых тварей с топором я, конечно, больше не планировал: опыт учтён, выводы сделаны. А вот бегуны и спидеры по две-три штуки мне вполне по силам, но как, при имеющихся средствах, сделать охоту более эффективной и менее опасной? Думал довольно долго, но ничего дельного в голову не приходило, а лезла всякая чушь: какие-то болы, чтобы замедлить нападающих (ну, конечно, сначала я кидаю болу, потом – метательный топор, потом

встаю поудобней с топором побольше, а заражённые тем временем ме-е-едленно ко мне подбегают, ага), или ловчие ямы, утыканные кольями... ну это уже совсем бред! И так, за этими мыслями, незаметно для себя задремал.

Снилась мне, что неудивительно, всякая чушь на ту же тему: то спидеры гонялись за мною с болами в руках, то я, одетый в шкуру, рыл огромную ловчую яму на тропе, с полной уверенностью в том, что именно по этой тропе ходит на водопой стадо вкусных руберов, то я с огромным камнем в руках гонялся за бегуном, а он убегал и орал: «помогите, милиция, на меня напал псих!», и ещё что-то подобное.

Проснулся уже вечером, плотно поужинал и вновь улёгся, предчувствуя, что теперь всю ночь не смогу уснуть, однако, вскоре отрубился – как в омут канул. И как я умудрился столько проспать? В общем, провел сутки вполне себе растительного существования.

Но мир не стоит на месте: всё течёт, всё меняется, и если ты не являешься инициатором перемен вокруг тебя, они происходят самостоятельно, и насколько ты будешь к ним готов – большой вопрос. Речь не идёт о переменах глобальных, вроде революционных научных открытий, изменений в сфере власти и т. д. – такое далеко не каждому под силу, но вот хотя бы банальное перемещение своей тушки в пространстве – это доступно каждому, за редким исключением. Сидеть ровно и никуда не дёргаться – тоже позиция, есть такая китайская поговорка: «Если долго сидеть на берегу реки

и смотреть на воду, можно заметить, как мимо проплывает труп врага». В общем, к каждому рано или поздно приходят перемены, а плохие или хорошие, часто зависит от того, как быстро ты можешь на них среагировать, какую выгоду сумеешь получить из сложившихся обстоятельств и как сможешь с минимальным ущербом выкрутиться из неприятностей. Я это всё, собственно, к чему: сутки ничегонеделания не прошли даром, перемены пришли и ко мне.

Разбудил меня звук приближающегося мотора. Машин в Улье я ещё ни разу не видел – скорее всего, грузовик. Заражённые технику не используют, это люди, но вот люди разные могут быть. Слова Деда о всякой погани я хорошо запомнил, поэтому привлекать к себе внимание не стал, только придвинулся ближе к стене чердака, пытаясь сквозь щели между досками разглядеть, кто это ко мне пожаловал. Обзор не самый лучший, виден только центр поселения с колодцем посередине да ещё часть дома напротив. Колодец я, кстати, ещё позавчера заметил – нормальный такой колодец, со срубом в пять брёвен высотой, с воротом и небольшой крышей, и вода в нем нормальная. Я раньше такие колодцы только на картинках на тему сельской жизни видел. Машина проехала мимо колодца и остановилась где-то за домом, вне зоны видимости. Это действительно был грузовик – ГАЗ-66. Вроде, саму машину я разглядел плохо: внимание отвлек пулемёт, установленный в кузове, и вооружённые люди, сидевшие там же. Послышались хлоанье дверей, невнятные разго-

воры, чей-то смех – неприятный такой смех, злой, как будто, человеку вовсе не смешно, но он ржет механически, чтобы понятно было, что он шутку оценил. Потом громче остальных раздался голос:

– Проверьте всё. Влёт давайте.

В ответ донеслось что-то недовольное и неразборчивое. К колодцу походкой хозяина жизни подошёл парень моих лет или чуть старше, одетый в чёрную кожаную куртку, белый кроссовки и спортивные штаны с тремя полосками, – аж чем-то родным повеяло, но не сказать, что я этому обрадовался. Через плечо парня был перекинут ремень АКСУ, который он держал за рукоять, направив ствол перед собой. Как бы они меня здесь не нашли, что-то не хочется мне с этими ребятами общаться. Но на чердак никто не полез, хорошо, что я лестницу за собой втащил, а то могли и проверить. К парню подошёл ещё один так же одетый персонаж, и тоже с АКСУ за плечом.

– Ну, чё там? – небрежно спросил подошедшего «хозяин жизни».

– Тихо всё. Слышь, Ботан, я чё...

– Ща в зубы получишь! – выверился парень. – Ты мне хоть и близкий, а чего-то дофига себе позволять начал.

– Да ладно, чё ты, в натуре. Не бычь. Не я же тебя ботаником окрестил.

– Ладно, замяли.

– Бот, я чё спросить – то хотел. Нафига нам именно эти

пассажиры сдались? Проф этот ни о чём тело, конечно, но Дед-то крендель непростой, как бы чего не вышло. Да и стрёмно мне как – то на земле Холода лазить. Охотничков тут полно, а они в Норе все любопытные и резкие не в меру.

– Не ссы. Нас тут десять рыл, и прикинуты мы нормально, а их двое всего. Нас в пять раз больше, разницу сечёшь? Тачку здесь спрячем, их быстренько возьмем – и назад.

– А где мы их искать будем? Они же постоянно шлындают где-то.

– Мне шепнули, что завтра к Норе должны возвращаться, по дороге и встретим.

– А. Ну лады, – призадумался «близкий» Ботаника. – Так я не понял, а нафиг нам именно эти – то сдались, чё мало фраеров по Улью ходит?

– Фраеров немало, только эти интересные. Они каждый месяц из рейда ствол чёткий притаскивают и патронов для винтаря пару соток, да ещё кое – чё по мелочи. И так каждый месяц. Врубаешься?

– Они где-то че – то вроде захаронки надыбали, которая раз в месяц сюда прилетает. Так они хрен нам чё расскажут.

– Деда сразу привалим, а головастика этого, Профа, пером пощекотать нормально, он у меня соловьём запоёт. Да, ты это...

Договорить чего он там «это» Ботаник не успел – раздался выстрел, и его затылок взорвался фонтаном крови и осколками костей. Его собеседник, подвывая, бросился в сторо-

ну, но сразу две пули прошли его плечо и ногу. Звуки выстрелов доносились с разных сторон, в посёлке слышались мат, стоны, а в следующий момент началась беспорядочная стрельба. Случайная пуля пробила крышу над моей головой, и я лег, вжимаясь в пол чердака, – так ведь и меня случайно пристрелить могут. Стрельба продолжалась минут пятнадцать, потом всё стихло, и я вернулся к своей наблюдательной щели. У колодца теперь лежало два тела, и ещё один раненый, наверное, тот самый любопытный друг Ботаника, пытался отползти в сторону. Сделать этого ему не дал серьёзного вида мужик в камуфляже, разгрузке, с автоматом в руках, он подошёл и молча наступил на спину раненому, прижав его к земле. Тот застонал, но мужик никакого внимания на это не обратил. Невдалеке слышались какая-то возня, лязг оружия, звук удара и окрик:

– Лежать, сука! Не дёргайся, руки в гору!

Двое бойцов привели ещё одного парня в чёрной кожанке, развернули, толчком в грудь посадили к срубам колодца.

– Хирург, ещё один живой, ему по касательной в голову прилетело, – прокомментировал происходящее один из бойцов.

– Вы, твари, у нас вчера товарища убили, так что нервировать нас сильно не советую, – сказал пленному другой.

– Да вы чё погнали, в натуре? Мы вас первый раз видим.

– Да всё ваше поганое племя одинаковое, муры, мать вашу шлюху, вы – хуже заражённых мерзость.

Пленный попробовал ещё что-то сказать, но получив пинок под рёбра, замолчал. Хирург поднял за шиворот пленного, которого прижимал до этого ногой, посадил рядом со вторым, присел напротив на корточки. Достал из одного из многочисленных карманов разгрузки пластиковый хомут, привязал ноги раненому к голове. Сказал одному из стоявших рядом бойцов:

– Клык, смени Квадрата.

Один боец ушёл, на смену ему пришёл широкоплечий и коротконогий дядька, (и правда, почти квадратный, про таких говорят: «Что поставь, что положи – одинаково будет»).

– Что на нашей земле забыли? – обратился к пленным Хирург. – Быстрее расскажете – быстрее закончим.

– Понту нам че-то говорить? Всё равно завалите, – ответил пленный с простреленной ногой и рукой. – Так что давай, не тяни. У меня в аду с твоей мамкой свидание.

В ответ Хирург достал нож, разрезал на говорившем футболку, откромсал от неё приличный кусок и, когда тот попробовал сказать ещё что-то, засунул ему в рот; получилось что-то вроде кляпа. Затем снял с него кожанку и надел на себя задом наперёд, так что спина куртки оказалась у него в районе груди. Квадрат тем временем поднял пленному руки над головой, прижал к колодцу. Хирург сделал на груди жертвы несколько надрезов и начал с хрустом сдирать с него кожу. Я ошалело смотрел на происходящее, меня не так просто чем-либо смутить – учёба в меде и работа санитаром в

травматологии располагает к цинизму, но такое... Жертва приглушённо кричала, дергалась всем телом, но вырваться из медвежьей хватки Квадрата не могла. Оторвав приличный кусок, Хирург бросил его на колени второму, бледному, как мел, пленному и коротким ударом ножа в левую часть груди добил свою жертву. Опять присел на корточки, как ни в чём не бывало, спокойным голосом сказал второму пленному:

– Вот видишь? Издохнуть можно по-разному.

Тот сидел с выпученными от ужаса глазами, молча таращась на своего возможного палача.

– Ответишь на вопросы – умрёшь быстро, – продолжал Хирург, – так что, мне фартук можно снимать?

– Да-да – зачастил пленный. – Мы тут должны были охотников поймать, ну не тут, а к Норе ближе.

– Кого?

– Деда и Профа. Деда сразу вальнуть, а у Профа Ботан узнать чего-то хотел.

– Чего узнать?

– Я не знаю толком, про оружие чё-то и патроны.

– Не врёт, – подтвердил слова пленного Квадрат.

– Хм... А откуда узнали, где и когда наши старики-разбойники гулять будут?

– Я не знаю, Ботану, вроде, шепнул кто – то.

– Тоже не врёт, – снова сказал Квадрат.

– Хреново, – сказал Хирург, опрокидывая пленного на

землю лицом вниз, – крыса у нас в стабе завелась.

Левой рукой он приставил к шее пленного нож, правой ударил по рукояти, вбив острие между позвонками. Не соврал Хирург: и правда, быстрая смерть.

– Клык, как там машина? – спросил Хирург невидимого мне бойца.

– Не на ходу: два колеса пробиты, и масла целая лужа натекла, кабина – как решето, эти уроды с перепугу куда попало стреляли. Патронов собрал с четверых, все, правда, 5.45...

– Я не понял, боец, ты там прикрываешь или марадёрствуешь?

– Да я так, вполглаза.

– Ладно. Пулемёт и патроны к нему берём и уходим. Не до трофеев, нам тело Шона в стаб доставить надо. Он заслужил нормальные похороны.

– Да, хороший был парень, – глухо проговорил Квадрат, – и сенс от бога.

* * *

Хирург был не прав, обвиняя своего бойца в мародерстве. Мародёрство – это когда ты снимаешь сапоги с погибшего товарища или, например, обираешь найденный тобой у обочины дороги труп. Если же ты убил человека, чтобы забрать у него какие-либо ценности – это уже грабёж, а то, чем за-

нимался Клык, называется сбором трофеев. А вот то, чем занимался сейчас я, – это вполне себе мародёрство. Правда, совесть меня по этому поводу не беспокоила: ребята, которые собирались охотиться на Деда и Профа, мне резко не нравились, более того, если бы они, как планировали, спрятали здесь машину и ушли, я бы эту машину обязательно обчистил и сжег. А вот что бы я стал дальше делать, как помогать Деду и Профу, не знаю: где точно находится Нора, я не знал, кого-то там предупредить, что муры готовят засаду, я бы не смог, найти и предупредить своих друзей я бы тоже не смог: где я их искать-то буду, точнее, стал бы. Но всё решилось само собой. Как же всё-таки неудобно без сотовой связи! Я как-то рано записал Деда и Профа в друзья, но они мне помогли, хотя могли бы этого и не делать, и суеверия там или не суеверия, а я чувствовал себя им обязанным, да и просто симпатичны мне были эти странноватые мужики. Так что Хирург со своими бойцами мне тут, вроде, даже и союзники, но я рад, что не попался им на глаза: уж очень в память врезалась картина, как Хирург сдирает кожу с живого человека. Нафиг пока таких милых ребят, я уж как-нибудь сам.

То, что я занимаюсь мародерством, как я уже говорил, меня не беспокоило, а вот то, что вокруг полно свежей крови и трупов иммунных (а это, вроде, одно из любимых блюд в рационе заражённых), да ещё и стрельба тут совсем недавно была знатная, очень меня беспокоило, если не сказать – пугало. На шум выстрелов и запах крови могли прибежать се-

рѣзные твари, и по-хорошему мне бы надо валить отсюда, и побыстрее, но пройти мимо таких нужных мне оружия и патронов я просто не мог. А потому я со всей возможной скоростью, с небольшим рюкзачком в руках, прихваченным у первого покойника, чтобы складывать добычу, перебежал от трупа к трупу, наскоро обшаривал карманы, выщёлкивал магазины оружия, если такие находились, срезал со спин рюкзаки, чтобы не возиться с лямками, выворачивал их на землю. Не обошёл вниманием и наполовину освежеванного главаря банды. Почти все муры были вооружены ментовскими АКСУ, только у одного обнаружился арбалет, к сожалению, в хлам раздолбленный пулями, ещё у некоторых в арсенале были ПМы, один из них я сразу засунул в карман штанов. А у их предводителя обнаружилась на поясе кобура с «гюрзой» и пара обойм к ней, а в рюкзаке – пачка патронов с надписью СП – 10. «Гюрза» – это уже гораздо серьёзней, её я срезал с пояса убитого, не повредив кобуры – потом сам носить буду. А теперь засунуть рюкзак с трофеями в свой баул – разбираться с ними потом будем – и ходу отсюда, ходу!

Глава 9

Пробирался я к ближайшему лесу короткими перебежками, от укрытия к укрытию. Такой способ перемещения в Улье, наверное, самый популярный, Дед с Профом так же ходили, несмотря на то, что Проф – сенс и угрозу может заметить заранее. Животного страха я не испытывал, но нервы были напряжены до предела: хоть и справился с мародерством в рекордные сроки – минут за десять, но в городе, где я охотился, выстрелы, должно быть, были слышны а до него километра два-два с половиной, и там развитые заражённые точно есть, сам в этом убедился. И точно: добравшись до опушки леса, оглянулся и заметил три фигуры, двигавшиеся в направлении посёлка. Точно заражённые – люди напрямую через поле в открытую переть не станут; вовремя я оттуда слинял. Глянул в бинокль. Ба! Да это же моя старая знакомая красавица, которая в первую мою ночь в Улье на сломанных каблуках пыталась за мной угнаться. Товарный вид совсем потеряла: платье больше на грязную тряпку похоже, волосы в колтуны сбились, да ещё и от плеча до локтя и между совсем не маленьких грудей успела то ли ссадины, то ли ожоги заработать. Но бежала уверенно, без проблем, и парой спутников успела обзавестись. Интересно они вместе смотрелись: через поле бежит сильно потасканная баба, а за нею – не менее потасканные мужики без штанов.

Долго рассматривать я их не стал, пошёл своей дорогой, углубляясь дальше в лес. В лесу мне всегда было спокойнее, я и раньше, в прошлой, так сказать, жизни, любил побродить с рюкзаком в одиночку, а ещё лучше – с хорошей компанией: природа, свежий воздух, хорошо. Даже чай, приготовленный на костре из той же заварки, что и дома, приобретает особый вкус. Ездил с друзьями и на охоту: оружие я любил, как и большинство мужчин, наверное, но сама охота... нет, охотничий азарт, конечно, и всё такое, да и пострелять – это здорово, но вот убивать зверей жалко. Добро бы ради пропитания, по необходимости, а вот ради развлечения... я больше рыбалку люблю, а пострелять можно и по тарелочкам.

Через пару часов продвижения по лесу я решил, что достаточно удалился от опасного места, можно передохнуть, перекусить и разобраться с трофеями. С обедом мудрить не стал, решив пожевать орешков и попить чаю из термоса. Многие считают орешки несерьёзной едой – так, закуска к пиву, однако по калорийности фундук в три раза превосходит хлеб, причём богат растительными белками и жирами; пиво, кстати, тоже продукт довольно питательный, причём усваивается очень быстро. Один мой приятель любил поговаривать: «Кто сказал, что бухло не жратва?» В этом случае он как раз прав. Ещё говорят, что фундук способствует выведению шлаков из организма, особенно из печени. В общем, пей пиво, закусывай фундуком – будешь здоровым, может быть, и толстым (это уже наверняка!) Хотя можно ли считать

человека с лишним весом здоровым – это вопрос спорный. Я считаю, что нельзя, по крайней мере, его здоровье – это ненадолго, а тот же мой приятель считает, что брюшко для мужчины – признак достатка. Более внимательно к тому, что я ем, я стал относиться, когда начал заниматься в тренажерке; качка из меня, слава богам, не получилось, но полезную для себя информацию из этих занятий я всё же извлёк. С этими мыслями я дожевдал четвертую горсть орехов, запил чаем и приступил к разбору намародеренного имущества.

Что ни говори, а сегодня мне в очередной раз сильно повезло: провозился бы чуть дольше с обыском убитых муров – и меня бы, вполне возможно, сейчас доедали твари; проверь эти самые муры чуть внимательней место, где собирались спрятать машину, нашли бы меня и вряд ли отпустили бы на все четыре стороны; окажись в отряде Хирурга действующий сенс – меня бы убили заодно с мурами. А так и жив остался и подогрелся неслабо. Одно радует: в эту переделку я, в отличие от охоты на кусача с топором, хотя бы не по собственной дурости влез, так вышло.

Весу моя поклажа сильно прибавила – оброс барахлом. Вчера килограммов десять было: топор, спальник, термос, еда и т. д. И ведь, вроде, всё нужное, выбросить жалко. Сегодня ещё килограммов пятнадцать добавилось. Вроде бы, не так уж и много, молодой здоровый мужик вполне способен нести груз в 30–40 килограммов, но вот перемещаться быстро и бесшумно – это вряд ли. Возможно, поэтому Хирург

с бойцами и не стали собирать все трофеи, забрали только самое ценное: пулемёт, патроны к нему; может, и ещё что в машине нашлось. Ну, да мне это очень на руку пришлось. Спасибо ребятам за их щедрость! Или не ребятам – скорее, судьбе.

Провёл ревизию в собранном добре. Десять рожков к «калашу»: один, полный, в кармане спрятал, одну «ксюху» с полным рожком ещё в посёлке на плечо повесил; остальные магазины – разрядить и выкинуть: ценности в них, я так думаю, особой нет, а весит каждый граммов по 300. ПМ и 6 целых магазинов к нему: один дополнительный оставим, пусть, вроде. комплект будет, остальные – тоже разрядить и выкинуть. Вот она, борьба с лишним весом, а не какая – ни-будь диета! Итого у нас получилось 128 патронов к автомату, не считая 60 для личного, так сказать, пользования, 40 к «макарову», сам ПМ с дополнительным магазином, и «гюрза» с двумя магазинами и пачкой патронов (30 штук). Кобуру с «гюрзой» я повесил на ремень, дополнительные магазины рассовал по карманам. Ну вот, вроде, уже не совсем унылый бомж, так и в стабе появиться не стыдно. Как говорил персонаж одной из моих любимых книг, «а жизнь-то налаживается».

Ничего примечательного в этот день больше не произошло Я просто шёл, избегая опасных, на мой взгляд, мест. Ночевал в лесу: у поваленного дерева постелил каремат, залез в спальник, подложил рюкзак под голову и для верности

сверху мохом прикрылся, чтоб запах отбить. А утром вышел к стабу – немного не дошёл вчера, получается.

Стаб окружала полоса с полкилометра шириной, расчищенная от деревьев и даже крупных кустов. На половине этого расстояния начинались заграждения: колючая проволока, спираль бруно между похожими на противотанковые ежи заграждения, сваренные из кусков рельсов; впрочем, может, это они и были, эти самые ежи (не представляю, как такая штука может остановить танк, вообще не разбираюсь я в них). На проволоке – таблички с надписями «Мины» и «Не влезай – убьёт». Дальше – противотанковые надолбы и земляной вал, местами забетонированный, и судя по бойницам, это не просто попытка сделать стену, а хорошо укрепленные доты, на валу – наблюдательные вышки. В общем, всё серьезно.

Боязнь открытых пространств, похоже, жила во мне на уровне рефлексов, но делать нечего. Я вышел на дорогу и направился в стаб. К открытым воротам подошёл почти бегом, пока шёл по дороге постоянно чувствовал на себе взгляды с вышек, скорее всего, через оптику прицела, а может, и из леса кто-нибудь смотрел – плотоядно так, неприятное ощущение, но два мужика у ворот встретили меня вполне дружелюбно.

– Здорово! Ты чего такой взмыленный? – спросил меня мужик.

– Здорово! Так жарко, солнце припекает, – объяснил я.

– Так чего тогда так неся, как будто за тобой гонятся? – усмехнулся он.

– Да как-то неприятно в открытом поле маячить.

– Ты новенький?

– Да, четвёртый день здесь.

– Понятно. А выглядишь ничего, прибарахлился уже. Рядом со стабом тварей можешь сильно не опасаться. Здесь не просто чистое поле, оно ещё и простреливается, но вот ходить в лес гербарий собирать без оружия уже не советую. Тебя, я так понимаю, уже окрестили?

– Да, Скил.

– Меня Мотей кличут. Ты вот что, Скил: оружие носить с собой можешь, но не хватайся за него ни в коем случае (это и ножа касается), огнестрел разряди лучше. Стаб у нас весёлый, мордобой здесь не редкость, но лучше этим заниматься в отведённых для этого местах.

– Типа курилки, что ли? – усмехнулся я.

– Ага. Арена есть, там и до смерти поединки устраивать можно, по договорённости. Будешь много дебоширить, крысятничать или убьёшь кого-нибудь – будут серьёзные разборки, у нас и правоохранительные органы имеются.

– Понятно.

– Сейчас сходи в бар «Рок» – это здесь центральное заведение, представься Меломану. Если вопросы какие имеются (а они, я думаю, у тебя имеются), с ним обсудишь.

– Как туда пройти?

– Прямо по улице, до площади, а там увидишь, не забудишься, в общем.

– Понятно, – повторил я. – Спасибо!

– Бывай!

Просторный зал бара встретил меня пустотой и музыкой группы «Metallica», «I Disappear» я услышал ещё на подходах к площади – на внешней стене бара висели колонки. Кроме бармена, никого не было видно.

– Привет! – поздоровался я.

– Хай! – махнул рукой в ответ бармен.

– Смотрю, не многолюдно у вас.

– Так время одиннадцать, кому в рейд – те ушли уже, а кому не надо – отсыпаятся ещё после вчерашнего. Ты первый раз здесь? Не припомню, чтобы раньше тебя видел.

– Да, я тут везде впервые, четвёртый день в Улье. Меня Скилом окрестили.

– А, так ты новичок! Ну тогда кружка пива тебе за счёт заведения, – улыбнулся парень.

– Спасибо, я бы лучше чашку кофе выпил, но на халяву и гвозди – макароны.

– Не вопрос! Пусть будет чашка кофе.

Заиграла песня «One» всё той же «Metallica», передо мною возникла чашка кофе, я сделал глоток – крепкий, ароматный, из зёрен сварен, не растворимая бурда!

– Музыка не напрягает? – спросил бармен. – Могу чего –нибудь полегче поставить, «Nickelback», «Offspring»? Толь-

ко попсы не держим, стиль заведения, сам понимаешь, ну народу нравится вроде.

– У меня «Trivium» любимая команда.

– А, нормально, наш человек.

– А почему стаб называется «Рок»? Что, не увлекающихся этим направлением в музыке здесь не приветствуют?

– Нет, конечно, мы всем нормальным людям рады, просто основатели этого стаба рокерами были, ходили в косухах. А что, удобная одежда, и защита кое-какая, за неимением бронежилета. Вот только мотоциклы в Улье не прижились: шуму много, защиты никакой. Стаб деревней рокеров стали звать, ну потом сократилось до «Рок»; ну, а теперь деревней это уже не назовёшь.

– Понятно. Мужик на входе сказал мне с Меломаном поговорить.

– Так ты уже с ним говоришь, – усмехнулся парень. – Вопросы, наверно, куча, так ты спрашивай, не стесняйся. Дел у меня пока особо нет, а триндеть – не мешки ворочать.

– Эм-м... С чего бы начать... Ты же, вроде, бармен?

– Ну пусть будет так, – шире заулыбался Меломан.

– Хочу продать. – С этими словами я выставил на стойку три бутылки коньяка, прихваченные из магазина.

– Один споран за всё.

– Но... – начал было я.

– И то только потому, что ты новичок – прервал меня Меломан. – Понимаешь, Скил, еда, бухло, шмотки – всего этого

в Улье полно, оно же всё загружается вместе с кластерами, так что оплата, по сути, только за доставку. Если ты этого коньяка припрёшь хотя бы ящик, у тебя его, может, и возмут, но за сушие гроши. На этом можно что-то зарабатывать, только если возить машинами.

– Ну хорошо! Один споран всё же лучше, чем ничего.

– Как говорил один мой знакомец из Одессы, иметь один споран и не иметь одного спорана – это вместе уже таки два спорана! Есть ещё что-нибудь?

– Есть сотня патронов к калашу, ПМ и к нему патроны.

– Во! Это уже другой разговор, – заинтересовался Меломан. – Откуда дровишки?

– Э-э... Там муров побили, – вспомнил я стихотворение Некрасова. – Но всё не забрали. Вот я и собрал.

Криво получилось, но что поделать – не Байрон я, не Байрон.

– Пушкин, блин! Ладно, рассказывай, кто там такой щедрый тебе встретился.

Ну, я и рассказал. Мне здесь, в Улье, пока скрывать нечего.

– Да, дела... – сказал Меломан.

– Только я не совсем всё понял с тем случаем.

– И чего же тебе непонятно?

– Что за земля Холода, и Хирург этот... он с бойцами, похоже, не случайно на этих муров вышел. И трофеи с убитых собирать все не стали. Странно всё это.

– Может, и не случайно. Холод – главный в Норе, а команда Хирурга на него работает. Суровые ребята! Нора – стаб трейсерский, то есть народ там больше охотой на заражённых промышляет. Места там удобные – глухие кластеры, небольшие деревни, заражённых не так много прилетает, но отъедаться они успевают неплохо – на домашней скотине в основном, – но и до элиты не дорастают: кормовой базы не хватает. Есть, правда, там и фермерские хозяйства, на них твари посерьёзнее вырастают, с них и трофеи поинтересней, так что и на них охотники находятся. А группа Хирурга, в основном, охотой на всякую человеческую погань занимаются – на муров, например. Чтоб охотничкам из Норы спокойнее жилось, а они им небольшую часть добычи отстёгивают, что-то вроде взноса за своё спокойствие; часть небольшая, но со всех неплохо получается. В общем, и охотникам хорошо, и Хирургу. Так что ребята не бедствуют, какими-то трофеями с муров они могли и пренебречь, если, например, нагружены были чем-то или просто спешили сильно.

– Лютый человек этот Хирург! Как он с этого мура кожу живьём сдирал, как вспомню, так вздрогну.

– А с ними так и надо. Попадёт тебе в руки МУР – можешь его хоть на кол посадить, хоть голым на муравейник; нормальные люди тебе только спасибо скажут.

М-да, не любят здесь этих ребят, крепко не любят!

– Жалко, что Шона убили, – сказал Меломан. – Хороший был парень. Давай за упокой.

Меломан налил две стопки водки, мы молча выпили. Помолчали. Затем он как будто вострепнулся от каких-то своих мыслей, сказал:

– Ну что, Скил, давай разберёмся с твоим хабаром. Пойдём в магазин, тут рядом. Мила, – прокричал Меломан.

На крик пришла девушка, улыбнулась, стрельнула в меня глазками. Не красавица, но и отвращения не вызывает. Так, на троечку.

– Присмотри за баром.

Мы прошли в небольшой коридорчик, Меломан отпер ключом массивную железную дверь.

– У меня здесь целый торгово-развлекательный комплекс: бар, ресторан, казино, арена, магазин, гостиница, бордель есть. Большинство официанток, как, кстати, и Мила, на полставки там работают, но не все. Так что будешь клеиться к кому-то – будь аккуратнее, можно и в морду получить, и не только от девочек.

– А ты здесь не только бармен, а ещё и сутенёр, – усмехнулся я.

– Нет, у девчонок своя «мамка» есть; и на арене, и в казино, и в гостинице – везде есть свои управляющие, но хозяин здесь я, поэтому в курсе, кто есть кто. Ну и некоторые кадровые вопросы решаю, и новички на мне.

Я опешил: парень-то оказался местным воротилой, а я с ним по-свойски как-то.

– Ты чего застыл? Удивлён, что меня за стойкой застал?

Думал, большие дяди обязательно сидят в больших кабинетах? – рассмеялся Меломан. – Нет, кабинет у меня тоже есть, и там даже человек десять могут разместиться так, чтобы друг у друга на шее не сидеть, но не более того. А за стойкой я стою, когда время есть, так, для души. Я по утрам, когда народу мало, так часто делаю: кофе пью, музыку слушаю, поболтать люблю под настроение.

– Э-э... а ничего, что я с тобой так по-простому?

– Да так и надо! Это уборщица и гардеробщица – самые большие начальники, а я парень простой. Вообще, знаешь, что в этом мире, что в том, откуда мы сюда попали, действительно значительные люди из себя важных особ не корчат, ну если, конечно, у них нет застарелых скрытых комплексов. Я, само собой, не с каждым новичком так вожусь – просто ты зашёл удачно, никого не было больше. А вообще новичкам надо помогать, есть такая примета: будь ты хоть совсем нищий рейдер, хоть финансовый магнат, Стиксу всё равно, сколько у тебя бабла. Стикс уважает только силу.

– Угу. А в чём сила, брат?

– В ньютонах. Показывай, чего продать хочешь.

Я вытащил снятый с мура рюкзак. Меломан сосчитал патроны, внимательно осмотрел ПМ и вынес вердикт:

– Вместе с коньяком – сорок один споран.

– А чего так мало?

– Сам считай: патроны к калашу 5.45 идут по четыре за споран, ПМ-овские – по восемь; это нормальные цены, до-

роже ты вряд ли где продашь. ПМ-ка с дополнительным магазином – ещё три спорана, и коньяк, как обещал, возьму за споран. Всё верно?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.